

Виктор

ЛАНА МОРРИГАН

18+

Лана Морриган Виктор

<https://litres.ru/74680697>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Волчица! — выплюнул вампир с отвращением.

— Могу ответить тем же, — произнесла я, едва сдерживая дрожь в голосе. — Вампир! — скопировала интонацию.

— Ну, и как мы ЭТО решим?

— Предлагаю тебе сдохнуть, — ответила я с улыбкой. — Обещаю пережить потерю.

— Дамы вперед.

Я никогда не просил у судьбы пару. Не хотел, не ждал, не допускал даже мысли. Высшему вампиру пара ни к чему. Привязанность делает уязвимым, а истинная связь — беззащитным.

Тем более если связь с волчицей. Горячей. Эмоциональной. Живой до раздражения.

Она презирает вампиров так же яростно, как я оборотней.

Мы несовместимы от природы. Но боги посмеялись над нами. Мы вынуждены ступать рядом, даже когда хотим разорвать друг друга на куски.

Только я слишком умён, чтобы добровольно отдать свою жизнь в чьи-то руки. И я уничтожу эту связь.

Чего бы мне это ни стоило!

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Виктор	10
Глава 2. Деметра	23
Глава 3. Виктор	29
Глава 4. Деметра	35
Глава 5. Виктор	41
Глава 6. Деметра	54
Глава 7. Виктор	61
Глава 9. Деметра	80
Глава 10. Виктор	92
Глава 11. Деметра	101
Глава 12. Деметра	111
Глава 13. Виктор	116
Глава 14. Виктор	120
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Лана Морриган Виктор

Пролог

Вспомните свое самое большое унижение. Вспомнили? Я могу поклясться — оно связано с мужчиной. С тем, кого вы боготворили и любили. А что сделал он? Он вытер о вас ноги.

Я не любила того, к кому сейчас пришла за помощью. Но была связана с ним навечно. Две жизни — одна судьба. И судьба посмеялась над нами.

Волчица и Высший вампир.

Нонсенс.

Абсурд.

Как бы сказала моя бабуля: “Мерзость!”

И я с ней согласна.

Боги выбрали мне пару. Самовлюбленный. Высокомерный. Жестокий. Циничный вампир, что провел несколько веков в заточении. Который считает оборотней отбросами общества.

И мне нужно просить его о помощи.

Вот настоящее унижение. Идти на поклон к тому, кто яростно желает твоей смерти, но не может воплотить свою мечту. Истинные пары погибают вместе.

Пока цифры бежали на электронном табло лифта, я едва сдерживала волчицу. Она рычала, скулила, металась внутри. Звериная часть меня была солидарна с человеческой. Она ненавидела вампира, но страстно желала его встретить. Иногда мне казалось, что я схожу с ума от притяжения пары и отвращения к Виктору.

Но связи плевать на желания. Она как крюк, проникший под кожу. Невозможно вытащить безболезненно.

Лифт дрогнул, остановился. Двери медленно разъехались, выпуская меня на этаж.

Волчица внутри взвыла.

Я втянула носом воздух и сглотнула собравшуюся во рту горечь.

Пахло одержимостью, сексом и кровью.

— Прекрасно, — прошептала я, игнорирую боль, что накатила волной.

Я шагнула в коридор и тут же услышала смех.

Женский, липкий.

И шепотки.

— Он смотрел только на меня...

— Нет, на меня...

— Вы обе ошибаетесь, он выбрал меня...

Волчица зарычала, а я пошла на звук, с каждым шагом еще больше ненавидя богов. И чем ближе были голоса, тем сильнее становился запах крови. Тёплой. Добровольно отданной.

Пентхаус был огромен. Открытое пространство, стеклянные стены, черные полы.

В эпицентре безумия на полу сидел Виктор, прижавшись спиной к барной стойке и окружённый девушками.

Три? Четыре? Пять? Я сбилась со счета.

Молодые. Красивые. Все... забывшие о собственном достоинстве.

Они тянулись к нему, словно он был богом. Проводили пальцами по его плечам. Касались волос. Шептали ему на ухо, ожидая малейшего взгляда. Словно одно его слово могло изменить их жалкую жизнь.

Он же сидел неподвижно, вытянув ноги и склонив голову набок. Равнодушный взгляд, губы и подбородок, испачканные кровью.

Я остановилась напротив.

— Миленько, — произнесла, осматриваясь и замечая тело пожилой женщины в кресле. Голова запрокинута, руки вдоль тела и пустота в глазах. — Я так понимаю, это хозяйка квартиры.

Одна из девушек повернулась, среагировав на мой голос.

Расширенные до предела зрачки. Размазанная по лицу помада. Капелька крови на шее.

Она улыбнулась глупой улыбкой.

— Виктор занят...

— Не претендую, — произнесла я, передернув плечами.

Оборотни ценили верность в паре, преданность, заботу. А

что ценили вампиры?.. Только себя.

Высший вампир медленно поднял взгляд, и связь рванула с такой силой, что я едва не потеряла равновесие.

На мужском лице мелькнули узнавание, злость и раздражение.

— Волчица, — сказал он, приходя в движение, отрываясь от полированной поверхности, поджимая вытянутые ноги и наклоняясь вперед. — Ненавижу, — прошипел он, имея в виду или меня, или тот факт, что его холодное сердце сократилось, заставляя древнюю кровь курсировать по венам.

Он отстранился от девушек, сбрасывая их руки с себя, и поднялся на ноги с плавной хищной грацией.

— Ты наконец придумала, как разорвать нашу связь? — он размял шею, жестом отсылая девушек.

— Нет. Но мне нужна твоя помощь, — каждое слово давалось мне с трудом. Они вызывали физическую боль.

Я игнорировала недовольные стоны голых девиц, что расползались по комнате, как тараканы, напуганные светом, сворачивались клубком на диванах и бросали обожающие взгляды на Высшего вампира.

— Ты серьезно думаешь, что я стану помогать тебе?

— Станешь. Ты ведь любишь жизнь, хотя не понимаю, в чем ее ценность.

Виктор дернул головой.

— Ой, да прекрати, — сказал он, опираясь на столешницу барной стойки и шипя сквозь зубы. Сердце вампира за-

билось быстрее. Он со свистом втянул воздух, пропуская его сквозь легкие, и подарил мне еще больший ненависти взгляд.

— Я тоже не в восторге от нашей встречи.

— Так что тебе нужно? — спросил он. — Не могу справиться с любопытством.

— На меня идет охота. А если умру я — умрешь и ты, Виктор.

Глава 1. Виктор

Мое существование сводилось к одному: слушать собственные мысли и надеяться не сойти с ума. Поэтому, когда в глубине мрака раздался женский голос, я решил, что это очередной обман рассудка.

— Освободи вампира.

Каменная оболочка, в которой я был заключён столетия, глухо затрещала. Все это время пепел Чистилища держал меня, как тиски, не позволяя шелохнуться.

— Освободи вампира, — повторил голос требовательнее.

Трещины расползлись по поверхности кокона. Пыль осыпалась к моим ногам. И я выпал из оков, припав на колени.

Слух, зрение, обоняние — всё вернулось резко.

Мир покачнулся. Я попытался подняться, но тело не слушалось. Пальцы дрожали. Спина не держала. Мерзкая унижительная слабость заполнила каждую клетку.

— Верни вампира в его мир.

Я повернул голову на голос, вокруг вспыхнула магия, и меня вновь утянуло в темноту и почти сразу выбросило на твердую поверхность, похожую на камень. Но сколько я ни ощупывал — не находил трещин или швов. Монолитное темное покрытие.

Слабость отступала.

Оставаясь на четвереньках, я поднял взгляд и застыл. Это

был не мой мир.

Над головой возвышались гигантские здания из стекла и металла, их вершины скрывались в ночном небе. Яркие огни, режущие глаз, мигали на каждом углу, переливаясь красным, синим и ядовито-жёлтым. Над улицей висели огромные светящиеся изображения: люди, буквы, символы, которые я понимал лишь частично. А потом мимо пронеслось что-то металлическое с невероятной скоростью. Повозка?

Она редела, ослепляя меня двумя яркими лучами. От движения воздух вибрировал. Я отшатнулся, перекатился к источающему вонь коробу и проводил повозку взглядом.

Сверху раздался гул. Ровный, механический и слишком громкий для чего-то живого. Я поднял взгляд на небо. В темноте двигалось... существо. Так я решил в первый миг. Оно было угловатым, несбалансированным, но держалось в воздухе уверенно. Лезвия над ним вращались с такой скоростью, что глаз едва различал их форму. Снизу на металлическом брюхе мигали огни — красные и белые.

Механизм? Придуманый людьми, чтобы восполнить то, чего им всегда не хватало. Силу, скорость, власть над небом.

Если этот мир способен поднять железо в небо... что ещё он научился делать, пока я был во тьме?

— Эй, я скоро буду, — мужской голос последовал за тычком в бок.

Я медленно повернул голову. Мужчина прошёл мимо, даже не глянув в мою сторону. Он не заметил меня!

Просто задел меня носком обуви, как мусор на дороге, и пошёл дальше — в свой яркий, быстрый, бездумный мир.

— Да-да, вхожу во двор, — продолжал он говорить в устройство. — Тут какой-то бомж под забором, чуть не споткнулся. Ну да, я говорю, скоро буду...

Бомж? Это слово явно имело пренебрежительный характер.

Человек оскорбил меня.

Меня.

Высшего вампира! Существо, что за несколько минут могло справиться с войском.

Я медленно поднялся, ухватившись за короб, рядом с которым сидел. Поймал равновесие и выпрямился в полный рост.

— Что такое бомж? — спросил я.

Мужчина не обернулся. Он просто шёл, продолжая свой бессмысленный разговор.

Меня проигнорировали!

Тело ещё дрожало, но уже не от слабости. От ярости, что копилась во мне веками. Изначально я хотел потратить ее на ведьм, что помогли меня поймать и заточить. Но теперь решил, что стоит начать и с малого.

— Что такое бомж? — повторил я.

Человек остановился, повернул голову с раздражением, взглянул, как на надоедливую голодную собаку у дороги.

— Чего тебе? — спросил он и добавил в коробку: — Я

скоро буду.

Мужчина наконец увидел меня. Его взгляд скользнул по моему лицу, по одежде из чужой эпохи.

Он сморщился.

— Ты глухой? Я спросил, чё?..

Он не договорил.

В следующий миг я стоял прямо перед ним, крепко держа его за шею.

Человеческие глаза расширились. Он попытался сделать вдох, но я не позволил. В моих руках он казался слабым. Маленьким. Беспомощным.

— Ты... кто... — прошептал он.

— Не это ты хотел спросить, — сказал я тихо.

Сердце незнакомца оглушающе застучало, и под моими пальцами еще ярче запульсировала кровь.

— Ты хотел узнать, чего я хочу от тебя.

Он открыл рот. Желание закричать было читаемо. Но поздно. Я сдавил горло. Чуть приподнял мужчину, и его ноги оторвались от земли.

Он забил руками. Пальцы дрожали, пытаясь оттолкнуть мою руку.

— Что такое бомж? — спросил я снова, глядя прямо ему в глаза.

Он захрипел, не в силах выдавить из себя ни слова.

— Пренебрежительное слово, — продолжил я за него. — Оскорбление. Ты назвал так меня.

Он вновь попытался вдохнуть, и я усилил хватку.

— Ты коснулся *меня*, — произнёс я. — Толкнул, словно мусор.

Мужчина мотал рукой, пытаясь выцарапать свободу. Пальцы скользили по моей коже, лицу, плечам, но я ничего не чувствовал.

Какой же он ничтожный.

— Мне не понравилось, что ты сделал, — тихо сказал я.

Я притянул его так, что мы оказались лицом к лицу. Сердце человека сбилось с ритма и пошло барабанить вразнобой.

— Я преподам тебе жизненно важный урок, — прошептал я. — Никогда и никого не оценивай по внешности.

Когда я вонзил клыки в его шею, город продолжал жить. Мимо проносились металлические коробки. Люди смеялись. Музыка гремела из открытых окон.

А здесь, в тени, я пил.

Медленно.

Смакуя каждый глоток.

Густая, тёплая, обжигающая кровь наполняла меня, возвращая силы, стирая остатки слабости, выжигая следы Преисподней.

Мужчина обмяк, и я отпустил тело, что упало к моим ногам пустой оболочкой.

Аккуратно провёл языком по клыкам, смывая следы крови.

Да.

Это было... хорошо.

Приятно.

Правильно.

Мир мог измениться, но люди остались прежними.

Я стоял над телом, наслаждаясь утолённой жаждой. Наслаждение не продлилась долго. На земле, рядом с трупом, лежал его светящийся короб. Он светился, и из него доносился женский голос.

— Алё? Ты где?

Я опустил взгляд на устройство, наклонился, поднял короб двумя пальцами и медленно повернул в ладони. Он был тёплый. Неестественно лёгкий. На экране мелькнуло изображение. Раздражённое женское лицо.

— Ты меня слышишь или нет? — повторила она. — Ты там?

Я медленно приблизил короб, отдалил, пытаюсь понять, как он работает.

Женский голос дрожал, становился настойчивее.

— Он будет не скоро, — произнёс я спокойно.

Я покрутил устройство в руках ещё мгновение и отбросил его в сторону.

Короб взвизгнул и разбился на мелкие осколки.

Но теперь, когда первая жажда утолена, я мог думать ясно. И мысль была проста:

«Мне нужно понять мир, в который меня швырнули».

Я вышел из переулка, растворяясь в тени. Хотя здесь те-

ни были негустыми — слишком много огней и искусственного света. Я двигался тихо, но город был не приспособлен к тишине. Он ревел, мигал, вибрировал, словно постоянно пытался заглушить сам себя.

Но чем больше хаоса вокруг, тем проще спрятаться.

Я шёл по улице, вслушиваясь в чужие разговоры. Слова были знакомы, но смысл некоторых я улавливал не полностью.

— ...Ты видел новый Айфон?

— ...Давай встретимся в ТЦ!

— ...Скинь локацию, я тебя найду...

Термины абсолютно пустые для меня. Эпоха — чужая. Но мне нужно было адаптироваться. Адаптация — ключ к выживанию.

Я остановился перед огромной витриной. За стеклом стояли мужские манекены в одежде, которую носили в этой эпохе. Ничего похожего, к чему я привык. Простые материалы и цвета. Как по этой одежде можно определить статус, если на ней нет даже вышивки или драгоценных камней?

Я сместил взгляд и поймал собственное отражение. Разорванная ткань давно ушедшей эпохи. Покорёженные остатки брони, ставшие тряпьем. Высохшая кровь на воротах, присыпанная пеплом Чистилища. Потускневшие спутанные волосы, забитые песком и пеплом. И слишком яркие глаза на фоне грязной серой кожи. Суетливые отблески огней и силуэт города отражались на стекле за моей спиной.

Я выглядел как призрак. Я провёл рукой по волосам, распутывая пряди. Мне определенно нужна помощь.

Внутри помещения, помимо одежды, стояли странные панели.

На них двигались мужчины. Они шли ровно, как воины, но без оружия. Я подошёл ближе, коснулся панели пальцами. Поверхность оказалась гладкой, чуть теплой.

Люди на панели продолжали двигаться, не замечали моего присутствия.

— Иллюзия, — тихо произнёс я, заглядывая сбоку.

Технология?

Магия людей, которых я недооценивал?

Я поискал вход, прошел вдоль стеклянных стен, и они раздвинулись сами собой.

Створки ушли в стороны с тихим шипением, я остановился, не скрывая удивления.

Забавно.

Внутри пахло новым материалом, красителями, клеем, искусственным ароматом цветов, которых не существовало в природе, и человеком.

Две девушки в форме переглянулись. Сначала равнодушно. Через секунду с пренебрежением.

— Господи... это что? — прошептала одна.

— Бродяга, — ответила вторая, даже не стараясь быть незаметной. — Воняет, как...

Она сморщила нос.

— ...Как помойка.

Я медленно повернул голову к ним.

Они замолчали мгновенно. Но за секунду вновь обрели уверенность, прикрывая страх наглостью.

— Эм, мужчина? — начала одна. — Вам... знаете... здесь не...

— Не место, — закончила вторая, сложив руки на груди.

— Это элитный бутик. Здесь продают очень дорогие вещи.

— Вы пытаетесь выгнать меня?

М-да. Век изменился. Страх исчез. И люди забыли, кого нужно бояться.

Интересно.

Я сделал шаг к ним.

Обе одновременно отступили.

— Мне нужно переодеться, — сказал я ровно. — Сейчас.

Девушки судорожно сглотнули.

— Уходите, или мы вызовем полицию.

— Мне нужно переодеться, — повторил я, вкладывая силу.

— Там... там кабинка, — одна дрожащей рукой указала в сторону небольших помещений с плотными шторами.

Отлично, я еще могу воздействовать на людей.

Я прошёл мимо, не обращая внимания на то, как они судливо отступают.

— Эм... так ... вы... чем мы можем помочь? — голос одной дрогнул, но она изо всех сил удерживала на лице веж-

ливую улыбку.

Я мельком взглянул на своё отражение в декоративном зеркале сбоку. Разорванный камзол, когда-то тёмный, сейчас грязно-серый. Сорочка, похожая на половую тряпку. Тканые штаны, стёртые до дыр. меховая отделка остатка плаща, облезлая, как труп животного.

Я выглядел так, будто только что вышел с поля боя.

— Мне нужна одежда, — сказал я. — Современная.

Её взгляд дернулся к моему вороту, где чужая кровь была почти черной.

— Д-да, разумеется... конечно... — она пыталась улыбнуться шире, но губы дрожали. — Скажите, какой стиль вы предпочитаете?

Я нахмурился.

— Камзол, рубаха, штаны, сапоги... — начал перечислять привычное.

Её лицо стало абсолютно пустым.

— К-какие... сапоги до колен?

— Высокие. Кожаные.

Она робко кивнула, не понимая ни слова. Вторая консультантка наклонилась к первой и прошептала:

— Это... какой-то ролевик?

— Или псих? Он в костюме, видишь?

— Но от него пахнет... странно...

Я повернул голову к ним. Обе девушки резко выпрямились и затаили дыхание.

— Подберите мне то, что подходит мужчине моего статуса, — произнёс я спокойно. — И сделайте это быстро.

— Конечно. Э... классика? Пиджак? Рубашка? Брюки?

— Покажите.

Она быстро кивнула и жестом пригласила меня за собой. Мы прошли мимо столов с аккуратно сложенными рядами одежды. Ткани мягкие, пустые, без вышивки, невесомые.

— Люди носят... это? — спросил я, поднимая чёрную вещь.

— Толстовку, да, — поспешно ответила она. — Очень удобно. Эм... современно.

— Удобно, — повторил я, будто пробуя слово на вкус. — Поразительно. Люди отказались от бархата и парчи ради этого?

Она сглотнула.

— Да, наверное.

Я вернул толстовку на место.

— Печально.

Девушка нервно засмеялась, судя по всему, не понимая, шутка это или нет.

Мы подошли к отделу с более привычной моему глазу одеждой.

— Это похоже на плащ, — сказал я. — Или длинный камзол.

— Это пальто, — поспешно поправила она. — Классическое. Универсальное. Вам подойдёт.

Я молча снял его с манекена.

— Возьму это. И всё, что вы подберёте к нему.

Пока девушки суетились, я задал вопрос, который меня интересовал.

— Что такое полиция?

— Эм, — девушка заморгала. — Полиция... это... структура, которая... э-э... охраняет порядок... и наказывает нарушителей.

— Нарушителей чего?

— Ну... закона.

— Закона смерти? Закона крови? Закона клана?

— Клана? — переспросила она еле слышно. — Нет, человеческого закона.

Я молчал секунду.

— То есть вы считаете, — произнёс я медленно, — что я должен бояться людей с палками?

— С чем? — девушка побледнела.

— С оружием, которым вы защищаетесь. Палками. Железками.

Она моргнула.

— У них огнестрельное оружие.

— Огонь? — я вскинул бровь. — Любопытно.

— И... наручники... камеры... суд...

— Они ловят вас? — я наклонил голову. — Людей?

— Нас? Нет! Полиция ловит преступников.

— Преступников, — повторил я. — И вы считаете, что я

один из них?

Она сглотнула.

— Эм, я такого не говорила.

Я улыбнулся, демонстрируя клыки.

— Хороший ответ.

Она торопливо протянула мне одежду.

— Вот, примерьте, пожалуйста.

Глава 2. Деметра

Лес — родной дом. Здесь моя волчья сущность свободна и счастлива, в отличие от суетного и огромного города. Волчица ступала мягко, бесшумно, и земля под лапами отзывалась летним теплом. В воздухе висел аромат хвои и нагретой коры, перемешанный с запахом влажной травы, ночных цветов и далёкой воды.

Я бежала легко, словно сама ночь подталкивала меня вперёд.

Сосны уходили в темноту стройными колоннами, а лунный свет ложился на шкуру мягкими серебряными мазками. Волчица внутри фырчала от удовольствия. Мы с ней редко сходились во взглядах, но в такие моменты становились единым существом.

Я перепрыгнула через поваленное дерево и понеслась дальше, чувствуя, как ветер свистит в ушах. Ночь была очень тёплой для начала лета. Я замедлилась у небольшой поляны. Под лапами расстился упругий ковёр из сосновых иголок, пахнущий смолой и солнцем прошедшего дня. Сквозь ветви падали мягкие лунные лучи, рисуя на земле бледные полосы.

Я подняла голову к небу.

Почти полная высокая луна смотрела сверху.

Я сделала несколько кругов по поляне, наслаждаясь тем, как хорошо чувствуется собственное тело. Лёгкость в лапах,

сила в каждой мышце и чистота в мыслях. Лес разговаривал со мной: ветви тихо качались; где-то рядом вспорхнула ночная птица; шорох мелкого зверька прошёл по земле — все казалось частью общей симфонии. Настоящая гармония.

Здесь, далеко от людей, от шума, от обязанностей и проблем, я чувствовала себя настоящей. Я легла на мягкую подушку из хвои, вытянулась, закрыла глаза, вслушиваясь в ровное дыхание леса.

Звонкая ночная тишина мягко напоминала о том, что прогулка подходит к концу. На горизонте серело небо.

Я поднялась, встряхнула шерсть, и иголки с тихим шорохом посыпались вниз. Сделав несколько лёгких кругов, чтобы вернуть ритм, я снова сорвалась с места быстрым, уверенным бегом.

Тени мелькали по бокам, деревья проносились мимо, и каждый шаг отдавался мягкой волной силы. Я неслась всё быстрее, наслаждаясь последними минутами настоящей свободы.

Впереди поблескивала вода.

Озеро было неподвижно, как зеркало, и в нём отражалось небо. Вдохнув аромат воды и влажной земли, я позволила телу измениться. Преображение шло плавно: шерсть исчезала, уступая место коже; лапы вытягивались в руки; спина выпрямлялась; грудная клетка становилась более плоской; дыхание — человеческим.

Через мгновение я стояла босиком на прохладной траве.

Ночная свежесть легко касалась кожи, но не пробирала до дрожи. Тело ещё хранило тепло бега. Волосы падали на плечи мягкими тёмными волнами. Луна отражалась в воде вместе со мной.

— Хорошая ночь, — тихо сказала я своему отражению, и вода ответила лёгким кругом ряби.

— Хорошая, — согласилось отражение.

Я убрала волосы назад, вдохнула чуть глубже и повернулась к тропе, ведущей домой.

— Идем, Аргас, — позвала за собой фамильяра.

Поверхность воды дрогнула. Пошла легкой рябью, словно подул ветер. Отражение луны исказилось, серебро на поверхности потемнело, стало плотнее, глубже... и вдруг оторвалось от воды.

Тонкая полоска тумана поднялась над зеркальной гладью, закрутилась мягкой спиралью, собираясь из света и тени одновременно. Туман сгущался, обретал очертания. Сначала морда с узкими блестящими глазами. За ней полупрозрачные острые уши, шея, тело и пушистый хвост.

Передо мной стоял волк.

Высокий.

Гибкий.

Созданный из серебристого света и тени. Я бы могла на нем ездить верхом. Его лапы едва касались земли, казалось, он парил. Аргас встряхнулся. От его движения в воздух поднялись тонкие серебристые искры и исчезли. Бесшумно сту-

пая, он подошел ко мне, склонил голову, касаясь моей руки полупрозрачной мордой. Его шерсть ощущалась приятной прохладой.

— Что слышал? — спросила я тихо.

Аргас сделал один круг вокруг меня, оставляя за собой тонкую туманную полосу, и замер за левым плечом.

— Ничего, — ответил фамильяр.

Я никогда не забуду, когда впервые услышала его голос, он был похож на потусторонний пугающий стон.

— Совсем ничего?

— Совсем.

— Как странно.

Фамильяр изобразил недовольный вздох. Он так делал, когда я постигала азы колдовства и ведовства и при этом совершала ошибки.

— Пока на тебе метка Высшего демона, никто не посмеет даже приблизиться, — напомнил голосом ментора.

— Я помню об этом. Помню. Но все же никто ведьмам не мешает следить за мной, — взяла со скамьи легкое платье, надела его через голову. — Пойдём домой.

И мы двинулись вдоль хвойного леса. Я босиком, чувствуя прохладу земли, а Аргас серебристой тенью, скользящей рядом.

Ветер донес голоса.

Я остановилась, позволяя словам достигнуть слуха. Аргас чуть приподнял уши.

— Я говорю тебе, это ненормально, — голос Лео, Альфы нашей стаи, был хрипловатым, словно он говорил сквозь напряжённое дыхание. — Такие раны не бывают случайными.

— Не делай поспешных выводов, — ответил отец гораздо тише. — Люди способны и не на такое.

— Я готов поклясться, что это дело рук вампиров. В городе нашли троих. Пустых. Выпитых до последней капли. Ты понимаешь, что это значит?

Слово «пустых» пронзило меня неожиданным холодком. Никогда не любила вампиров. Самовлюбленные, жестокие существа с непомерным эго. Девяносто девять вампиров из ста были уверены, что мир создан именно для удовлетворения их потребностей. Самых низменных потребностей. Они не торопились создавать — все больше потребляли.

Отец молчал несколько секунд.

— Три смерти — это не критично. Люди умирают в большем количестве по собственной глупости, — сказал он. — Допустим, — выдохнул он, явно признавая теорию Альфы правдивой. — Допустим, что новообращенный вампир не справился с жаждой. Что мы можем сделать, кроме как погрозить пальцем Темному князю и сказать: “Ай-яй-яй, не делайте так больше”.

— Возможно, напомнить о том, что охота в городе запрещена.

— Допустим, мы напомнили, — продолжал отец. — Он и сам это знает.

— Предлагаешь ничего не делать? — недовольно рыкнул Альфа.

— Предлагаю оставить проблему тому, кто ее действительно решит. У меня нет желания бегать по городу в поисках одного голодного кровососа.

Слова отца явно не нравились Альфе.

— Предлагаешь ждать следующей смерти?

— Ладно. Я отправлю ребят пробежаться по окраинам.

Неосознанно кивнув на фразу отца, я прижала руку к груди, прислушиваясь к ощущениям. В душе заворчалось странное предчувствие, меня словно кто-то тянул, заставлял обратить внимание на услышанное.

— Аргас, — произнесла я вполголоса.

Фамильяр понял меня без слов, он растворился в воздухе и исчез, исполняя безмолвный приказ. Ведьминское нутро не давало покоя, заставляя действовать. Простые люди называют это чувство — интуиция. Ведьмы — чуйка. И чуйка подсказывала, что я пожалею о том, что узнаю позже.

Глава 3. Виктор

Я покинул бутик. Так называли лавку человечки в форме. В руках у меня сумка из тонкого шуршащего материала. Настолько лёгкого, что казалось, внутри нет подобранной одежды, только воздух.

Сделав несколько шагов, я остановился и провел носком обуви по гладкой поверхности. Прохожий, которого я остановил лёгким движением руки, взглянул на меня растерянно.

— Как называется это покрытие? — спросил я, показывая на дорогу.

Он моргнул, озадаченный вопросом.

— Асфальт, — быстро сказал он. — Это... ну... дорога. Пешеходная. Тротуар.

Он произнёс слово «асфальт» буднично и, не дожидаясь моих дальнейших вопросов, поспешил прочь.

— Асфальт, — повторил я, запоминая.

Сколько же придется узнать нового.

Человечки посоветовали мне снять номер в гостинице — там, по их словам, я мог принять ванну, привести себя в порядок и отдохнуть. Осталось найти постоянный двор.

Щурясь от искусственного освещения, я медленно шел, позволяя глазам привыкнуть к рябющему свету, а слуху — к новым, невнятным шумам, которые источал город. И как

раз в этот момент за моей спиной раздался пронзительный женский крик, мерзко режущий слух.

— Боже... здесь кровь! Здесь... кто-то... убит!

Я обернулся. У стеклянных дверей, из которых я только что вышел, началась давка и паника. Судя по звукам, люди сбегались посмотреть на тот «ужас», что случился с двумя женщинами.

— Это какой-то зверь?!

— О боже!

— Да как такое возможно?

— И никто ничего не слышал?

— Вызывайте полицию!

«Верно, вызывайте полицию», — подумал я. Пусть блюстители порядка разомнут чресла.

Мой путь преградила массивная вывеска над входом в небольшое помещение. На ней мягкими светящимися буквами было написано «Кафе».

Я произнёс это новое слово вслух:

— Кафе.

Ясно, здесь люди встречаются и пьют чай и... Я втянул незнакомый мне запах. Приятный и терпкий. Нужно будет узнать, что это.

Вдоль улицы тянулись другие яркие указатели.

Салон красоты.

Аптека.

Суши-бар.

Прокат авто.

Они мигали, словно старались перекрычать друг друга. Я медленно двинулся в сторону следующего квартала. Где впереди мерцала вывеска гостиницы.

Пересёк улицу, не обращая внимания на громкие сигналы железных коробок и крики людей. Гостиница выглядела так же искусственно, как всё вокруг: стекло, металл, блестящие панели, яркая стойка, за которой сидела молодая человечка с безупречно уложенными волосами и ровными жемчужными зубками. Она улыбалась всем, кто входил, до тех пор, пока не увидела меня.

Её губы дрогнули, искривились.

— Д... добрый вечер. Вы... хотите заселиться?

Она пыталась скрыть страх. Сложно ее винить — моя одежда выглядела нелепо в этом мире, да и сам я, вероятно, был слишком чуждым.

Я подошёл ближе, мягко опершись ладонью о стойку.

— Я хочу комнату, — произнёс спокойно. — Прямо сейчас.

— У нас... есть свободные... но... вам нужно предъявить... документы... и карточка... оплата будет наличными или... — голос человечки дрожал.

Да-да. Я уже что-то слышал про наличные и какую-то карточку.

Надоело.

Я встретился с девушкой взглядом и вложил в голос и

взгляд частичку силы, ровно столько, сколько нужно, чтобы ее сознание осталось в порядке, а я добился желаемого.

— Засели меня. Немедленно. Я хочу лучшую комнату, и обращайся ко мне “господин”.

Девушка моргнула, дыхание стало ровным, как у человека, погружённого в глубокий сон.

— Конечно, господин. Номер люкс. На двенадцатом этаже. Следуйте за мной.

Она вышла из-за стойки и взглядом указала направление. Мы подошли к металлической двери с блестящими створками. И чего-то ждали.

— Что это?

— Лифт, — ответила девушка. — Поднимает на любой этаж.

— Как? — уточнил я.

Она нажала кнопку. Двери разъехались.

— Механически.

Механически...

— Лифт, — повторил я. — Любопытно.

Маленькое помещение, но зеркала создавали иллюзию высоты, отражая меня и человечку в четырёх направлениях одновременно.

— Нажмите двенадцатый? — девушка подняла руку и указала на табло, которое я закрыл собой.

Я перехватил её запястье.

— Нет. Покажи мне сама. Я должен запомнить.

Она послушно нажала кнопку с цифрами. Лифт вздрогнул и начал подниматься.

— Люди сделали это?

— Да.

Лифт остановился. Двери раскрылись, открывая длинный коридор. Она провела меня к номеру, открыла дверь маленькой пластиной, которую она приложила к замку.

— А это что? — спросил я.

— Электронный ключ. Пожалуйста, — она отошла в сторону, пропуская меня.

Я вошёл. Комната была просторной, светлой, с огромной кроватью, мягким ковром и широкими окнами.

— Господин, вам нужно что-то ещё? — робко спросила девушка.

— Да, — я повернулся к ней. — Научи меня пользоваться ванной.

Она покраснела, словно я произнёс что-то неприличное.

— Я... эм... могу... показать, как включается вода.

— Именно об этом я и прошу.

Человечка прошла в ванную, повернула что-то, и из металлического устройства потекла вода. Горячая. Пар поднялся лёгким облаком.

— Здесь регулируется температура. Здесь — напор. Эта кнопка включает душ...

Она показывала, стараясь говорить быстро, чтобы поскорее уйти, но сила моего приказа заставляла повиноваться.

— Можешь уйти, — сказал я, получив нужную информацию. — Оплати номер сама.

Она кивнула и направилась к двери.

Я добавил:

— И забудь обо мне.

Глава 4. Деметра

Город пах отвратительно. Металл, бензин, выхлопные газы, сладкий запах выпечки из круглосуточных кафе, духи, горячий пластик, алкоголь, страх, пот, возбуждение, содержимое мусорных баков. Всё смешивалось в одну плотную волну, от которой хотелось защититься с помощью респиратора.

Да как среди всех этих запахов можно было уловить нужный?!

Я шагала по улице, держа руки в карманах лёгкой куртки, чувствуя под подошвами мягкую вибрацию асфальта, что создавали автомобили, и шаги сотен людей. Рядом бесшумной серебристой тенью скользил Аргас. Его полупрозрачная шерсть переливалась холодными бликами.

— Ненавижу, — фыркнул он, озвучивая мое настроение.

Я не отреагировала на его слова, шла, ведомая силой.

— Мы скоро вернемся домой? — спросил фамилльяр, когда мы свернули в очередной проулок, игнорируя оживленные улицы.

— Когда я пойму, что мне не дает покоя, — прошептала я и остановилась, прислушиваясь к собственным ощущениям. Новым и очень сильным. И пока я не понимала их природу. Но меня словно тащили куда-то или за кем-то. — Аргас, прогуляйся на границе миров. Присмотрись, послушай,

что происходит.

— Ваша матушка просила не оставлять вас, — обратился ко мне на “вы”, показывая свое недовольство. Если вы не знаете, фамильяр — магическое существо, которое должно беспрекословно служить своей хозяйке. Но мне иногда казалось, что хозяйка тут не я.

— Аргас, — повторила я, намекая, что сейчас я не намерена спорить.

— Слушаюсь, — он отозвался без особого желания, ускорил шаг и растворился в воздухе, но тут же вернулся. — Ты уверена, что хочешь продолжать патруль?

— Хочу, — отрезала я.

Ведь именно под этим предлогом я могу, не вызвав подозрений, искать то или того, что уже несколько дней не дает мне полноценно выспаться.

Чертовы сны!

Странные. Рваные. Пугающе яркие.

Я видела мужчину. Силуэт или какие-то фрагменты внешности. Профиль, подсвеченный неоновым светом. Длинные пальцы, сжимающие чью-то шею. Каплю крови, стекающую по остро очерченному подбородку.

А ещё глаза. Невероятно яркие и голодные.

Каждый раз, когда я пыталась поднять голову во сне, рассмотреть лицо, картинка рассыпалась. Меня выбрасывало в реальность с бешено колотящимся сердцем, липким потом вдоль позвоночника и диким ощущением, что кто-то... на-

блюдает.

Выслеживает.

Иногда я почти слышала шаги за спиной.

Иногда во сне я бежала, рвала ногтями воздух, а он шёл за мной, легко, размеренно. Знал, что догонит.

Но страннее всего были моменты, когда *он* наклонялся ко мне. Прикасался к щеке. Проводил ладонью по шее. Целовал. Жадно, напористо, пожирая мой рот. И я просыпалась от дрожи в теле. И эта дрожь была не от страха. А от первобытного желания к мужчине, которого никогда не встречала.

Я передернула плечами и размяла шею, сбрасывая напряжение и вновь накатившее наваждение, от которого под кожей разбегались тысячи маленьких разрядов.

Растерла виски, стараясь хоть как-то вернуть концентрацию.

Аргас изобразил вздох и произнес назидательным тоном: — Ты ищешь не убийцу людей, — сказал он наконец. — Ты ищешь... кого-то другого.

Слова фамильяра ударили неожиданно точно. Я замерла посреди пустынного проулка.

— У тебя богатая фантазия, — выдохнула я. — Я ищу след убийцы по просьбе Альфы стаи.

— Ну хорошо, — он согласился со мной, как с неразумным дитя. Хотя для него я именно им и была. Нельзя сравнивать опыт столетий, прожитых Аргасом, и мой, по меркам оборотней или ведьм, скромный срок. — След не принадле-

жит людям, — упрямо продолжал фамилляр. — И не обротням. И не ведьмам.

— А кому? — спросила я с наигранным смешком, совершенно не чувствуя радости.

— Это вампир. Высший. Древний. И очень голодный, — прошелестел Аргас, и его шерсть вспыхнула холодным серебром.

Я резко обернулась к фамиллярю.

— Я бы почувствовала Высшего! — сорвалось с губ. — Я бы... узнала!

— Если бы ты хотела узнать, — поправил он мягко, но вновь болезненно точно. — Но ты отвернулась. Ты не хочешь видеть очевидное.

Я сжала кулаки, до боли впиваясь в ладони ноготками.

— И что же, по-твоему, я упустила?

— Ты ведь догадываешься, — Аргас наклонил голову, глаза его засветились изнутри.

Нет.

Нет, я не знала.

Не хотела знать.

Отказывалась даже думать!

Но внутри... под рёбрами... там, где пульсировала странная жара, оставленная ночными сновидениями...

— Скажи прямо, Аргас, — прошептала я. — Что я чувствую?

Фамилляр подошёл ближе, и его полупрозрачная морда

оказалась почти у моего лица.

— Это зов пары, Деметра.

У меня перехватило дыхание, а после я громко рассмеялась.

— Ложь. И такого зова не существует. Не существует, — повторила я с уверенностью. — Никогда об этом не слышала. Ты можешь спросить у кого угодно в стае. Зова нет. Есть судьба, случай, рок, жребий, предназначение.

— Ты продолжай-продолжай подбирать синонимы. У тебя это отлично получается, — фамильяр снисходительно покачал головой.

— Нельзя знать о существовании пары заранее, — прошептала я, дрожью выдав своё состояние. — И ты это прекрасно знаешь!

— Ну да, — Аргас отозвался с сарказмом. — Мы многое знаем о таких, как ты. Волчице с ведьмовской силой.

Я вскинула палец и произнесла нервно:

— Не дави! Не дави! Сны могут быть лишь снами.

— Хм, так были и сны.

— Аргас! — возмутилась я.

— И как давно?..

Я безвольно опустила руку вдоль тела и нахмурилась.

— Несколько дней.

— Со дня начала жутких убийств, которые так беспокоят стаю? — уточнил он.

— Это совпадение, — отрезала я и повернулась к фами-

льяру спиной.

— Не всегда пары принимают друг друга, — Аргас продолжал выводить меня из себя. — Иногда они сопротивляются. Иногда ненавидят. Иногда бегут. Но связь всё равно зовёт.

— Прекрати. Не хочу слушать этот бред! Зова не существует. Сны объясняются до банального просто. Мне нужен мужчина. Природа берет верх надо мной, — говорила я, шагая вдоль серых стен. — И ты в этом убедишься, когда я найду того, кто лишил меня полноценного сна!

Глава 5. Виктор

Новая одежда была словно создана для меня. Ткань лежала идеально, подчеркивая плечи и не мешая движению рук. Я провёл ладонью по лацкану, стряхивая невидимую пылинку, и устроился на высоком кожаном стуле у барной стойки.

Я покрутил в пальцах бокал с янтарным виски. Удивительная вещь: люди веками пытались копировать вкус крови, а получали только слабое, жалкое подобие с дымком и обжигающей горечью. Но иногда их попытки подкупали. Они изобрели занятие для рук и ума. Ты смотришь на переливы жидкости, пока мысли бегут куда-то дальше.

В большом зеркале за стойкой вместе со мной двигалось отражение. Холодный взгляд. Резкие черты. Ещё влажные волосы, зачёсанные назад. Было бы даже красиво, если бы не крохотная тёмная точка под скулой.

Капля?

Я чуть подался вперед, рассматривая. Тонкая нить крови, застывшая на коже, как напоминание о прекрасном времяпрепровождении. Я хмыкнул и большим пальцем стёр её привычным жестом. Поднёс палец к губам, провёл языком. Отличный вкус.

— Еще, — попросил у бармена добавки алкоголя.

Наконец тот перестал трястись и нервировать кланьем своих зубов. От него разило страхом, по лицу катились капли

пота, но он хотя бы больше не раздражал своим нытьем и просьбами не убивать.

— Что это? — показал на устройство на стене, на котором мелькали картинки.

— Футбол.

— Футбол — это?..

— Вид спорта.

— Нет, я спросил о другом. Как называется то, на котором демонстрируют этот футбол? Какая-то картина?

Человек замолчал и впился в меня взглядом. Гадал, что я или кто я.

— Телевизор.

— Угу, — я покивал и отпил виски. — Телевизор. Какую еще информацию я могу там почерпнуть?

— Многую.

— Полезно. А кто у вас правит сейчас?

Бармен перестал натирать бокал белоснежным полотенцем. Его руки замерли, как будто я спросил что-то неприличное. Или опасное.

— Э... президент, — выдавил он.

— П-р-е-з-и-д-е-н-т, — я медленно повторил слово. — Это титул? Правитель? Монарх?

Бармен нервно сглотнул.

— Не монарх. Его выбирают. На выборах.

— Люди... выбирают... правителя? — я чуть наклонил голову, пытаясь представить себе толпу смертных, решаю-

щих судьбу целого государства. — Добровольно?

— Да, — кивнул он, всё ещё сжимая бокал так, будто тот мог защитить его от меня.

Я нахмурился, сделав глоток виски.

— Звучит как плохая идея.

Бармен дёрнул уголком рта. Не то нервная усмешка, не то попытка не расплакаться. Я откинулся на низкую спинку стула, задумчиво вертя бокал.

— Телевизор, говоришь... Он показывает всё? То, что происходит в мире?

— Ну... да. Почти всё. Новости, передачи, фильмы...

— Фильмы? — я приподнял бровь. — Это что?

— Художественные истории.

— Истории? — я чуть наклонился вперёд. — Люди смотрят истории чужих людей? Через плоский короб?

— Через телевизор, да.

— Прелесть, — протянул я с ноткой сарказма. — Вы стали ещё глупее, чем были.

Бармен судорожно выдохнул, а я снова поймал своё отражение в зеркале за его спиной. Новый мир мне определенно шел.

— Что ещё, — я постучал пальцем по стойке, — мне нужно знать, чтобы не прослыть пещерным существом?

— Э... интернет? — робко предложил он.

— Интернет, — повторил я. — Звучит как болезнь.

— Это... сеть. Всемирная. Через неё можно общаться.

Узнавать всё. Покупать всё.

— Покупать? — хмыкнул я. — Не думаю, что мне что-то нужно покупать.

— Люди сейчас почти всё заказывают через приложения, — продолжал он, уже сбиваясь от страха. — Такси... еду... одежду...

— Такси? — я повторил слово. — Это что, разновидность повозки?

— Автомобиль. Машина, которая отвозит куда надо.

Я в задумчивости провёл пальцем по краю бокала.

Машины. Интернет. Телевизоры. Правитель, которого выбирает народ. Заказ еды через приложение?..

Потрясающе. Мир стал ещё нелепее за последние пять веков.

— Что ещё? — я потребовал продолжения. — Быстро. Я не собираюсь выглядеть идиотом в вашем новом мире.

— Социальные сети... — пробормотал бармен. — Все ими пользуются.

— Социальные сети, — я улыбнулся краем губ. — Звучит странно. Они призваны объединять? Развращать?

— Э, ну... и то, и другое.

— Покажи.

Бармен дрожащими руками достал телефон. Маленький чёрный прямоугольник засветился, и я навис над ним. Картинки. Лица. Тексты. Крики. Миллионы смертных разом кричали на тебя. Или что-то советовали, или кривлялись.

Шуты.

— Это люди добровольно?.. — я нахмурился. — Они показывают свои лица всем? Рассказывают о себе всему миру?

— Да.

— Добровольно, — повторил я ещё раз.

— Да.

Я не выдержал и тихо рассмеялся. Смех эхом прошёлся по залу, заставив бармена вздрогнуть.

— Вы действительно обезумели, — сказал я. — Или просто отчаянно одиноки. Даже мне было бы стыдно так выставить свою жизнь напоказ.

Я выпил последний глоток виски и поставил бокал.

— Ладно. Что мне нужно, чтобы вписаться в это ваше современное безумие?

— Телефон, — почти прошептал бармен.

— Где его взять?

— Купить, — предположил он.

Я невольно закатил глаза.

— Допустим. А если я возьму телефон у кого-то из них? — указал пальцем за спину.

В баре было тихо, но он не был пуст. Просто посетители больше не производили шума. Одни облокотились на столы, словно уснули. Другие сидели на полу, привалившись к стенам, с лицами бледными до прозрачности. У некоторых на шеях всё ещё виднелись следы моих пальцев.

Идеальная тишина.

— Я бы не советовал брать телефон у кого-то. Нужен новый.

— Почему?

— По телефону можно отследить человека.

— М, а вот это ценная информация. Я тебе очень благодарен.

Бармен попытался улыбнуться, но получилось что-то ближе к судороге. И в этот момент воздух в баре изменился. Я почувствовал приближение Высшего вампира.

Я медленно повернул голову к двери, ожидая.

И, конечно, это был он.

Александр вошёл в бар так, как входят те, кому принадлежит весь мир. Прямая спина, шаги мягкие, как у зверя, красивое лицо без возраста.

Таким я его и запомнил.

Он закрыл за собой дверь.

— Виктор, — произнёс Александр, констатируя факт моего присутствия. — А я все гадал, кто так беспечен и неразумен.

Бармен попытался отползти под стойку, но рухнул, едва двинувшись.

— Александр, — произнёс я в тон. — Мне кажется, я скучал по тебе.

Он прошёл мимо бездыханных посетителей и сел рядом.

— Поздравляю с возвращением, — сказал со скучающим видом. — Но мне не нравится, сколько проблем ты уже успел

создать.

— Проблем? — я оглянулся на тела. — Это проблемы? Он посмотрел на меня долгим мрачным взглядом.

— Камеры по всему кварталу. Следы крови. Свидетели, которые успели увидеть достаточно. Сотни цифровых отметок, брошенных здесь, — он постучал пальцем по стойке. — И всё это за одну ночь. Одну, Виктор.

Я медленно перекачивал в руках пустой бокал.

— Я правильно понимаю, ты возглавляешь вампиров?

— Верно. И мне не нравится все, что ты делаешь. Есть определенные правила, которые нужно соблюдать.

— И когда Александр Стрикс стал соблюдать правила?

— Я их соблюдал всегда. Правила подарили мне долгую жизнь и ни одного заключения в пепел Чистилища, — он улыбнулся, продемонстрировав мне крупные клыки.

Александр был бы не Александром, если бы не поддел. В этом была вся его натура — бить по болевым точкам не только противника, но и союзника.

— Я прощу эту мелкую оплошность, — продолжил он. — Но в будущем не рассчитывай на понимание. Я не желаю подставлять свою расу из-за твоего эгоизма.

— И что нам могут сделать люди?

— О-о-о, ты сильно удивишься, когда почувствуешь на собственной шкуре, как далеко шагнул прогресс. Забудь про селян с вилами. Забудь про костры и факелы.

Я открыл рот, чтобы ответить, но ощутил легкие вибра-

ции. Тонкий слух Высшего вампира уловил ритмичный топот тяжёлой подошвы. Синхрон дыхания. И то, как кто-то отдаёт команду шёпотом.

— Контакт через тридцать секунд.

— Второй отряд на лестницу.

— Проверить тепловые сигнатуры внутри.

Александр вздохнул с усталостью.

— Я же говорил, — произнёс он спокойно, будто разговор был о погоде. — Люди больше не бегают с вилами. Теперь они бегут с термокамерами и броней.

Я наклонил голову, прислушиваясь к слаженному приближению. Люди были обучены. Хорошо вооружены. Запах металла и масла был различим. И уверены, что охотники они.

Глупцы.

— Мы не уйдём? — спросил я, даже не скрывая лёгкого разочарования.

Александр покачал головой.

— Нет, — сказал он тихо, блуждая скучающим взглядом по бутылкам с алкоголем. — Мы остаемся.

— Зачем? — прищурился я. — Минуту назад ты говорил, что не нужно привлекать лишнего внимания.

Александр взглянул на дверь, чуть сдвинул стул, открывая себе обзор.

— Это демонстрация настоящего, — произнёс он. — Того, что ты пропустил. Того, в чём живём мы. И того, с чем тебе придётся иметь дело, если ты не собираешься сдержи-

вать жажду.

Слова князя вызвали у меня улыбку.

— Значит, ты хочешь, чтобы я посмотрел на их... прогресс?

— Хочу, чтобы ты оценил масштаб, — уточнил Александр. — И понял одну простую мысль: мир изменился, Виктор. Он сложнее, чем тебе кажется. А ты остался прежним.

Бармен выглянул из-за стойки, подтягиваясь за каменный край.

— Ляг. Не двигайся. И не издавай ни звука. Если хочешь жить, — приказал Александр.

Человек плюхнулся на пол и забился в угол между стеной и шкафом с бокалами.

Дверь бара с грохотом распахнулась.

— Группа «Альфа», вход!

Первым ворвался тяжеловооруженный солдат в шлеме, перекрывающем половину лица. За ним еще двое с оружием наготове. Лучи фонарей скользнули по телам, метнулись к нам.

— Контакт! Два объекта! Один сидит у стойки! Второй правее.

— У вас еще там живой человек, — сообщил Александр буднично, указывая за стойку.

Что-то щёлкнуло, заставляя тело напрячься.

Я поднялся медленно. Выпрямился. Потянулся, как хищник, которому в клетку наконец-то принесли добычу.

— Виктор, — предостерёг Александр ленивым тоном. — Без глупостей.

Но его предостережение скорее звучало пустой вежливостью. Он не остановил меня. И не собирался.

Я шагнул вперёд.

Воины тут же среагировали.

— Замри! Руки вверх! На пол!

Я улыбнулся, демонстрируя клыки.

— А если нет?

— Огонь! — выкрикнул голос.

По мне хлестнули мелкие металлические ядра, они легко входили в тело. Острая, жгучая боль вспыхнула в груди, в плечах, в руке. Металл прошёл насквозь, выбивая маленькие тёмные брызги за моей спиной.

Об этом говорил Александр?

Согласен, довольно опасно, но точно не смертельно для Высшего вампира.

Раны затягивались: мышечная ткань срасталась, покрываясь новым слоем кожи. В негодность приходила лишь новая одежда.

Я не нападал, хотел увидеть, насколько люди стали сильны. И воины в черном прекратили огонь только после приказа.

Кто-то выдохнул:

— Какого...

— Ваш прогресс впечатляет, — сказал я и отряхнул грудь

от металлических фрагментов. — Но и у меня есть новости. Он всё ещё недостаточный.

Я исчез из их поля зрения. Появился за спиной у ближайшего, ухватил его и швырнул через весь зал.

Второй попытался отступить, вскидывая на меня оружие. — Нужно подкрепление, — завизжал он в подобие телефона. — Объект сверхчеловечески быстр! Неуязвим! Повторяю. Неуяз...

Я вырвал устройство из его руки.

— Неуязвим — громко сказано. Но мне приятно, что вы пытаетесь, — добавил и раздавил коробку пальцами.

Третий воин дрожал, целясь, но его руки дрожали, как у куклы-марионетки, когда ею управляет хорошо выпивший артист. Он всё-таки выстрелил. Очередь полоснула мне по левому боку.

— Господи... — прохрипел он.

— Неправильный адрес, — я посмотрел на него и чуть наклонил голову. — Но я передам.

Он попытался побежать. Я позволил. Чтобы через секунду оказаться перед ним.

Александр, всё это время сидевший спокойно, поднялся на ноги.

— Не увлекайся, — сказал он.

— Я очень сдержан, — отозвался я.

— На этом закончим. Сейчас нам нужно прибраться.

Александр остановился перед воином, что припал на ко-

лени, прижимая ладонь к сломанным ребрам.

— Смотри на меня, — негромко сказал князь.

Воин поднял голову и замер. Взгляд стал расфокусированным и пустым.

— Ты видел пьяную драку, — монотонно произнёс Александр. — В баре были двое мужчин. Они дрались между собой. Ты пытался их разнять.

Механический кивок устроил князя.

— Здесь не было сверхъестественного. Понял?

— Понял...

Александр разорвал зрительный контакт, и человек упал на бок, как мешок с песком. Подошел к следующему.

— А ты поддержишь легенду.

Третий воин, который пытался убежать, в ужасе прижался к стене.

— И ты ничего необычного не видел. Только драку.

Он сглотнул и повторил:

— Я... видел драку.

— Отлично, — сказал Александр. — Всё будет хорошо.

Он выпрямился, одернул манжеты рубашки.

— Виртуозно. Правда, немного скучно, — заметил я.

— Скука — лучший способ выжить, — философски отозвался он.

После чего подошёл к барной стойке, где вжавшийся в стену бармен дрожал так, что посуда над ним звенела.

Александр присел на корточки, взглянув ему в глаза.

— Слышишь меня? — спросил он мягко.

— Д-д-да... — прохрипел тот.

— Ты видел драку. Много пьющих людей. Бросали бутылки. Стол перевернули. Ворвался спецназ. Стрельба. Крошечный ад. И сейчас ты подожжёшь это место.

У бармена перехватило дыхание.

— Ч-что?..

— Подожжёшь. Сейчас. Аккуратно. И уйдёшь. Скажешь, что пытался потушить пожар, но ничего не смог сделать.

Человек выдохнул:

— Да... я... подожгу...

— Молодец, — похвалил князь, похлопав его по щеке, словно послушную собаку. — За стойкой я видел зажигалку. Возьми. И начинай.

Глава 6. Деметра

Город начинал раздражать. Но меня упорно тянуло куда-то. Почти невидимая, местами прерывающаяся нить, похожая на дым от сигареты, если его выпустить тонкой-тонкой струйкой.

Я шла, не особо разбирая улицы. Поворачивала там, где казалось логичным. Иногда ловила себя на том, что уже сделала шаг, а мысль только догнала действия. Но тело не спрашивало. Ведьмовская сила тянула. Я злилась, но шла дальше. Свернула в более узкую улицу, где дома нависали плотнее, а свет фонарей казался грязным. Здесь пахло чем-то тяжёлым и вязким.

Горелым?

Запах дыма ударил резко, как пощечина. Я остановилась. Вдохнула глубже.

Дерево. Пластик. Лак. И под всем этим кровь.

Замерла на долю секунды, прислушиваясь к ощущениям. Внутри что-то дрогнуло, и я ускорила шаг.

Дальше уже вела не ведьмовская сила, а волчий инстинкт.

Я выскочила из переулка как раз в тот момент, когда увидела высокий столб дыма. Когда-то, наверное, это было вполне милое заведение с большой неоновой вывеской над дверью. Сейчас чёрный прямоугольник, из которого вырывался огонь. Пламя лизало остатки стекол, вываливалось на улицу

сгустками искр. Оранжевая вспышка отражалась в окнах соседних домов.

Я остановилась на тротуаре в нескольких метрах от входа.

Жар был ощутимым даже отсюда. Воздух — горячим, с горьким привкусом плавящейся проводки. Надрывалась сирена приближающейся пожарной машины. Секунду я просто смотрела.

Вот куда тебя тянуло.

В груди неприятно кольнуло. Словно я опоздала.

Я сделала шаг ближе. И ещё. У самой двери пришлось прикрыть глаза, жар бил в лицо, волосы подбрасывало в воздух.

На моем локте сомкнулась чья-то рука.

— Эй! Девушка! Назад! Опасно!

Я дёрнулась от неожиданности и раздражения. Освободила руку так резко, что мужчина отшатнулся.

— Всё нормально, — отрезала я.

— Ничего тут не нормально! Крыша сейчас сложится! Вы что...

— Я сказала, всё нормально. Спасибо.

Зачем меня тянуло сюда?

Ведьмовское нутро все ещё вибрировало, цеплялось за последние обрывки ощущения.

Я вдохнула глубже и сразу закашлялась. Всё смешалось в тяжёлый и горький коктейль, что волчица внутри меня не понимала, на что реагировать. Не осталось чистого следа, за

который можно было бы ухватиться. Всё перемешано и искажено.

С громким треском вывеска рухнула. Люди ахнули, отступили. А я продолжала стоять.

Смотрела.

Слушала, стараясь уловить хоть что-то. Людской гомон, треск огня, сирены, запах горелой пластмассы — все сбивало.

Ни намёка. Ни следа, за который можно было ухватиться волчьим нутром.

Пусто.

Меня притянули к месту, где что-то уже случилось...

Если бы я нашла его раньше!

«Хватит», — приказала себе мысленно. Аргас был прав точно в одном. Мне нужно прекратить бесполезные поиски. Сны иногда бывают просто снами. Даже у ведьмы.

Я вернулась домой вместо того, чтобы изводить себя мыслями и тем, что курсировать от улицы к улице в надежде на удачу.

У оборотней принято держаться в стае. Именно в этом их сила. В единении. Без стаи оборотень становился слабее и, в конце концов, погибал. Волчица во мне требовала единения со стаей. Но я была не только волчицей. Ведьмовская часть любила уединение. Тишину. И мне удалось отвоевать свой укромный уголок. Небольшой одноэтажный домик в лесу на территории оборотней.

Я едва успела толкнуть входную дверь плечом, как позвала:

— Аргас.

Тень колыхнулась в углу комнаты, вытянулась, покрываясь серебристыми бликами. И спустя миг рядом со мной стоял высокий волк.

— Ты долго, — заметил он с укором, словно время для него что-то значило.

— Так вышло, — буркнула я, стягивая рубашку. Она насквозь пропахла дымом.

Аргас прошёлся по комнате, мягко касаясь пола лапами, и посмотрел на меня через плечо:

— И нашла ты... что?

— Ничего. Там всё... сгорело. Следы были, но... Ты что-то знаешь? — спросила я раздраженно.

Волк отрицательно pokrutil головой.

— Я знаю, что ты устала, — сказал он, а когда я тряхнула волосами и посмотрела на него со злостью, добавил: — Город как город. Люди, оборотни, ведьмы, вампиры.

— Аргас... — начала я.

Но он шагнул в тень и словно истлевал.

— Спи. Ночь ещё не закончилась.

— Я твоя хозяйка! — фыркнула я громко.

— А я и не отрицаю, — отозвался он меланхолично.

Говорят, фамилльяр веками ждёт свою ведьму. Тщательно выбирает, кому он хочет служить. И когда ведьма появляется

на свет, у ее дома собираются десятки духов, готовых стать хранителем и беспрекословно подчиняться. Свое появление на свет я не помню, как и выбор фамильяра. Но мне достался экземпляр, который пренебрегал тысячелетними устоями. Безусловно, он оберегал меня, но вот с подчинением были проблемы.

Спать я легла без сил, только сон не дал мне отдыха, хоть и пришёл сразу. Очередной кошмар, который нельзя было назвать кошмаром. Скорее чужим воспоминанием.

Я смотрела глазами девушки, которой не была. Её тело было легче моего, хрупче, кожа светлее. Вокруг нее была ночь. Это единственное, что я поняла. И в какой-то момент ее дыхание участилось. Девушка вскрикнула от неожиданности, хотела побежать, но почему-то остановилась.

Он стоял напротив.

Тот, кто снился мне уже не один раз.

Тот, кто будто скрыт пеленой. Но в этот раз... В этот раз я увидела губы.

Чётко.

Красивые. Искривленные надменной улыбкой.

Мужчина смотрел на девушку, в теле которой была я. Наблюдал с ленивым интересом хищника, который уже решил, что добыча придёт к нему сама. Он наклонился ближе. Губы шевельнулись. Я не слышала слов, но чувствовала их.

Флирт.

Притяжение.

Обещание.

Он манил.

Шаг ближе.

Ещё шаг.

И девушка потянулась к нему.

И я уже знала: стоит ей коснуться... И всё изменится.

Непоправимо.

Его губы приблизились к уху, и я наконец услышала первое отчётливое слово:

— Подойди.

Я хотела отпрянуть. Оттолкнуть. Но чужое тело не подчинялось.

Его губы чуть коснулись кожи.

Я чувствовала, как тело девушки, откликается на него так остро, будто каждая клетка ждала этого момента.

Он не торопился. Губы коснулись уголка рта. Нежно. Невинно. Хищник проверял, позволено ли ему больше. Девушка, а вместе с ней и я, втянула воздух. Его пальцы легли на щёку, холодные, но странно ласковые. Он повернул её лицо к себе, медленно, так, будто наслаждался каждым мгновением.

И поцеловал.

Не мягко.

Не робко.

Поцелуй был глубоким, требовательным, пожирающим. Таким настоящим, что я почувствовала вкус, толчки языка.

Сердце девушки взбунтовалось в груди, отзываясь грохотом в моем реальном теле.

Губы горели. Кровь вскипала. Дыхание стало тяжёлым, прерывистым.

Его ладонь легла ей на затылок, пальцы скользнули в волосы, притягивая ближе, что невозможно было сказать «нет».

И я почувствовала. Мужчина улыбался во время поцелуя.

И вдруг он остановился. Отстранился. Лицо всё ещё было скрыто тенью...

Но я увидела клыки.

Я не успела ни вдохнуть, ни спросить, ни отступить.

Клыки метнулись ко мне, и я распахнула глаза.

— О боги, — прошептала я, приподнимаясь на локтях, стараясь выровнять дыхание.

Откинулась на подушку и тут же застонала от легкой боли. Кожа на затылке саднила, словно еще секунду назад мои волосы стягивала сильная мужская рука.

Я сглотнула, облизала губы и чуть не задохнулась от чужого терпкого вкуса на них. Провела подушечками пальцев по губам, понимая, что, как бы ни был ужасен мой сон, я хотела, чтобы он повторился.

Глава 7. Виктор

Ночной город напоминал свежую раскрывшуюся рану — тёплую, пульсирующую, из которой вытекала человеческая жизнь во всех её самых примитивных и искренних проявлениях. Здесь, под неоновым небом, люди казались небрежно оголёнными нервами: смеялись громче, желали сильнее, боялись до дрожи. В ночи они были настоящими. Без масок, без нужного к ситуации выражения лица, без осторожности. И каждый такой момент был для меня приглашением. Я давно не видел мира, где жертвы сами идут тебе навстречу.

Мне определенно нравился этот новый мир.

Он был быстрым, дерзким, лишённым смысла — и именно благодаря этому невероятно лёгким. Люди жили так, словно быстротечное время само толкало их вперёд, заставляя бежать, есть, покупать, развлекаться, забываться. И в этой бесконечной гонке они стали ещё более доступными, чем когда-либо прежде.

Они сами тянулись ко мне. Сами приглашали. Сами подставляли горло, даже не понимая, что делают.

Не нужно было больше ломать их быт, притворяться, ждать удобного момента, подстерегать в темных переулках, где каждая женщина была окутана тканями до подбородка, а каждый мужчина держал при себе нож. Теперь всё было проще.

Быстрее.

Приятнее.

Город дышал жаждой. И я наслаждался ею.

Ежедневная охота превратилась в привычный ритуал, в игру, в разнообразие, которое я сам себе задавал. Мне стало любопытно испытывать себя, пробовать новое. Ведь этот мир давал огромный выбор, и ничто не мешало попробовать всех, кто попадал в поле зрения.

Иногда я выбирал исключительно блондинок. Лёгких, звонких, с ароматом сладких духов, с искристой шапочкой света вокруг головы.

На следующий день только брюнетки. Более насыщенные, более тёмные, с дымным запахом ночных клубов, пряных духов и горячей кожи. Они были вкуснее, но и этого было мало.

Иногда только с длинными волосами, только в коротких юбках, только на высоких каблуках.

Иногда выбирал по возрасту.

Сотни вариантов, тысячи оттенков вкуса, запаха и страха. В этом мире было из чего выбирать.

Я наслаждался тем, как быстро они идут на контакт. Как легко их соблазнить.

Как беззастенчиво они демонстрируют тела, даже не подозревая, что это делает их идеальными жертвами.

Быстрая музыка, быстрые движения, быстрые эмоции. Всё это идеально подходило охотнику, который умел ценить красоту и мгновение.

Но за всей этой игрой, за удовольствиями, за пробой вкусов и запахов, за контрастами и новыми ощущениями пряталась одна неприятная деталь.

Неизменная.

Настойчивая.

После каждой охоты, после каждого тела я чувствовал пустоту.

Никакая блондинка, никакая брюнетка, никакая пьяная танцовщица или тихая офисная мышь не могли дать мне того, что я искал, сам не зная, что именно.

Каждая ночь заканчивалась одинаково. Я ел, но не насыщался. Пил, но жажда оставалась прежней. Оставлял на асфальте ещё одну пустую оболочку и чувствовал, что нужное, единственно правильное ещё не найдено.

Словно мир предлагал мне десятки вкусов, а я искал единственный, которого ещё не пробовал. Тот, что сможет утолить голод и желание по-настоящему.

Игра с людьми стала пресной прелюдией.

Я прогуливался по улицам медленным уверенным шагом, позволяя себе впитывать всё вокруг: запахи духов, сладкий привкус алкоголя, горячий металл машин, человеческое возбуждение, их смех, шёпот, примитивные мысли. Но теперь... теперь всё казалось одинаковым.

Мимо меня прошла стайка девушек. Молодые, ухоженные, в соблазнительных коротеньких платьях, не скрывающих линии тела. Каблуки стучали по асфальту в размерен-

ном ритме, а сладковатый запах их духов висел в воздухе длинным шлейфом. Они смеялись так громко, как смеются люди, уверенные, что мир принадлежит им и их существование важно для кого-то.

Одна из них обернулась. Её взгляд скользнул по моему лицу, остановился, задержался. Она улыбнулась. Глупая, но забавная улыбка.

Я ответил лёгким наклоном головы. И этого оказалось достаточно.

Она и не поняла, когда именно отделилась от своих подруг, как ноги сами понесли её ко мне, а рука потянулась коснуться моей. Люди называют это «химией».

— Привет, — мурлыкнула она, наклоняясь ближе, позволяя своему аромату окутать меня.

— Привет.

Её сердце ускорилося.

Мы свернули в узкий переулок. Она ничего не замечала и не понимала, была занята собственной фантазией.

Смешно.

Сентиментально.

И до ужаса удобно.

Я прижал её к стене, и девушка выгнулась от восторга, даже не понимая, что это восторг последнего мгновения её жизни.

В современном мире женщины стали проще. Их одежда больше не скрывала тело под бесконечными слоями ткани,

как в прежние эпохи. Не нужно было гадать. Всё видно сразу.

Сейчас она смотрела на меня снизу вверх. Губы приоткрыты, дыхание сбито. В глазах похоть.

Я наклонился, почувствовал тепло кожи, услышал, как кровь ускоряет бег...

И всё равно внутри меня не дрогнуло ничего.

Пустота.

Как удар о глухую стену.

Она была хорошей жертвой. Молодой, красивой и вкусной. Но не той, что заставила бы ощутить восторг.

— Ты пахнешь... потрясающе, — прошептала она.

Я улыбнулся и дернул её за волосы сильнее, чем требовало притворство. Девушка испуганно вскрикнула. Вот теперь настоящее чувство. Мгновение, когда восторг превращается в инстинктивный ужас.

Я любил эту перемену.

Я впился в её шею, не теряя времени, выпил быстро, жадно и без наслаждения.

Кровь наполнила рот, но не принесла желанной вспышки удовлетворения. Она текла в меня, согревала мышцы, проясняла разум и оставляла внутри зияющую пустоту.

Так было каждую ночь.

Снова и снова.

Я отбросил тело в сторону, что безвольно шлёпнулось в металлический контейнер, как ненужная вещь. Вытер губы тыльной стороной ладони, посмотрел на тёмное пятно крови

на коже.

Красиво.

Но пресно.

Раздражающе пресно!

Я сделал несколько шагов по переулку, чувствуя, как раздражение медленно заполняет грудь. Город пульсировал вокруг, но для меня он был картонным театром.

Охота стала легкой.

Еда — доступной.

Этот мир давал всё сразу, слишком быстро, не требуя усилий. И именно поэтому переставал быть интересным.

Я втянул воздух глубже. Запахи ночи обрушились на меня густой волной. И среди всего этого внутри зияла пустота. Бесконечная, тягучая, раздражающая пустота, которая росла во мне с каждой новой ночной охотой.

Голод, который не имел ничего общего с желанием крови.

Голод, который я не мог заткнуть никаким количеством выпитых женщин.

Голод, который напоминал зуд под кожей, зов, который я не мог понять, но чувствовал слишком ясно, чтобы игнорировать.

Я шагнул на оживлённую улицу, и люди обтекали меня, даже не осознавая, насколько близко от них прошла смерть. Я снова выбрал жертву. Молодая женщина с мягкими чертами лица и чистым запахом. Улыбалась открыто и доверчиво. В новом мире это обрекало её с первой секунды.

Но когда я приблизился и попробовал вложить внушение, чтобы увести её в сторону, она моргнула, нахмурилась... и не подчинилась.

Интересно.

Я усилил воздействие. Она снова вырвалась из-под влияния. Попыталась уйти, смотрела на меня не только со страхом, но и с ненавистью, словно понимая, кто я такой.

Это было... необычно.

Приятно даже.

Возможность сыграть не в простую игру.

Я сделал шаг ближе, намереваясь взять её силой, и воздух за моей спиной сгустился.

— Достаточно, Виктор.

Темный князь. Этот голос невозможно не узнать. Глухой, низкий, с ленцой, несущий в себе власть и обещание проблем.

Я медленно обернулся.

Он стоял в компании Малиса, его правой руки — мрачного, резкого даже по меркам Высших вампиров.

— Я смотрю, ты наслаждаешься свободой, — произнёс Александр. — Но, как обычно, не умеешь соблюдать меру.

Я изобразил улыбку, не отпуская жертву и держа ее за локоть.

— Девушка не поддаётся внушению, — ответил я раздражённо.

Александр едва заметно покачал головой.

— Не обязательно выпивать человека до конца, Виктор,
— сказал он мягко. — Особенно того, кто обладает любопытными особенностями.

— А ты видишь, что я ее выпил? — ответил я.

— Появись я десять минут спустя, уверен, картина была бы другой.

Я шагнул ближе, но Малис мгновенно оказался между нами.

— Остановись, — коротко сказал он.

Я ненавидел, когда меня прерывали. Когда отбирали добычу. Когда обращались со мной так, словно я слаб.

— Она моя, — процедил я.

Александр усмехнулся.

— Сегодня нет. У нас есть вопросы.

Он кивнул Малису. И прежде, чем я успел даже подумать о сопротивлении, он ухватил меня за плечо, и пространство вокруг изогнулось. Мы переместились в улей.

— Обязательно было тащить меня силой? — спросил я, не скрывая раздражения.

— Да, — ответил Малис так же бесстрастно. — Ты бы не пошёл сам, — жестом длинной узкой ладони он пригласил проследовать в кабинет Александра.

— Меня ждет очередная нотация? — уточнил, следуя за Малисом без какого-либо желания. Я мог покинуть улей в любую секунду, скрыться в любом углу земного шара. Вот только желания прятаться у меня не было. Я достаточно про-

вел времени в заточении. И достаточно испытал ограничений. Мне хотелось всего и сразу!

— Темный князь не сообщает о своих планах.

— Безусловно, — ответил я, совершенно не веря сказанному, идя впереди. Зала, как всегда, была полна просителей. Видимо, Александру доставляло удовольствие заставлять ждать днями. И после этого он считает меня зарвавшимся идиотом с комплексом бога. — Что заставило тебя вспомнить о моей персоне? — спросил я, входя в кабинет и заставая князя за интересным занятием. Он стоял напротив девушки, что была *моей* добычей.

— Имя, — произнёс он мягко, будто спрашивал ребёнка.

— Катя, — ответила она тихо.

— Полностью, — уточнил Александр.

Девушка сглотнула.

— Екатерина... Соколова.

Я прислонился к стене. Любопытство — вот единственное чувство, которое во мне перекрыло раздражение и злость на Темного князя. Человечка действительно не поддавалась внушению. И даже сейчас её разум был закрыт так плотно, будто на нём стояла броня.

Александр обошел девушку вокруг, принялся, вскинул брови.

— Это кто тебе дал? — он смотрел на подвеску.

— Не помню.

Он поднял бровь.

— Не помнишь?

— Нет, — ответила она упрямо.

Лгала она бездарно.

— Любопытная вещь, — Александр протянул ладонь, не касаясь амулета. — Защищает. Причём весьма эффективно. Знаешь от чего?

— Нет, — снова коротко.

Он внимательно изучал её лицо.

— Ты понимаешь, куда попала? — спросил он ровно.

Девушка кивнула.

— Да.

— И что же ты понимаешь?

Она подняла взгляд.

— Что вы не люди.

Александр едва заметно улыбнулся.

— Семья ждёт?

— Нет.

Князь приподнял подбородок.

— То есть тебя никто не ищет?

Она снова встряхнула головой.

— Нет.

Ложь.

Александр слушал Екатерину ещё несколько секунд, и хваленое терпение иссякло. Он резко наклонился, и в следующий миг амулет оказался в его руке. Девушка вскрикнула, прижала ладонь к груди, покачнулась, словно теряя опору.

— Начнём снова, — сказал Александр голосом, от которого люди обычно падали на колени. — Как тебя зовут?

— Екатерина Левина, — ответила она мгновенно.

— Кто дал тебе амулет?

Она заморгала.

— Отец.

— Наконец я услышал правду. Откуда у отца столь сильная вещь?

— Я не знаю.

— Допустим. Кто твой отец?

— Человек.

— Катенька, ну нельзя так топорно пытаться обмануть меня. Род деятельности твоего отца?

— Он охотник.

— И охотится он?.. — кулаком, из которого свисала подвеска на тонкой цепочке, жестом показал, что нужно продолжать.

— На нелюдей, — призналась девушка.

— Прелестно. В этот раз, Виктор, твоя неконтролируемая жажда принесла плоды. Можешь забрать ее себе. На время, — предложил Александр. — Но не ломай игрушку. Это мое условие.

— Что это значит? — вскрикнула девушка.

— Что ты останешься жива, Катерина, — пояснил князь. — Почему с этим красивым именем у меня всегда связаны лишь неприятные воспоминания? Идите, — он раздраженно

дернул головой. — Виктор. Игрушка твоя до тех пор, пока ты держишь себя в руках. Будь любезен, сделай перерыв. И дай городу восстановиться. Моя фантазия исчерпала себя. Я больше не могу придумать хоть что-то, напоминающее правдоподобное объяснение пропажи людей перед оборотнями.

— Обещаю, — ответил я, чувствуя отголоски предвкушения. — Но она только моя.

Быть древним вампиром — это одновременно плюс и минус. Тебя не заботит суeta смертных, но без них ты начинаешь смертельно скучать. Как и без эмоций, которые все сложнее и сложнее получить от чего-либо. А сейчас у меня была возможность насытиться во всех смыслах.

Екатерина шла рядом, стараясь держаться на расстоянии.

— Куда вы меня ведёте? — спросила она хрипло.

— К себе.

Она побледнела ещё сильнее, если это было возможно.

— Зачем?..

— Чтобы пить тебя, — ответил я без тени смущения. — Не до смерти. Я же дал обещание.

Она вздрогнула, прижала ладонь к груди и не нашла заветный амулет.

— Как думаешь, твой отец получил амулет от ведьм? — поинтересовался я.

— Я не знаю... — она попыталась вновь врать.

— Я ведь могу и не исполнить просьбу Александра, —

прошипел я, глядя девушке в глаза. — Одна поломанная игрушка не испортит между нами отношения.

— Ведьмы, — согласилась она, оглушая сердцебиением.

— Ты мне поможешь их найти, — сказала я, чувствуя, как внутри покалывает от напряжения. С ведьмами у меня были особые счета. Именно они помогли пленить меня сотни лет назад, выслуживаясь перед Асмодеем — королем Преисподней. Именно они заставили запечатать меня в пепел Чистилища, боясь мести. И именно они умрут, когда я найду их ковен.

— Но я не знаю...

— Не переживай, — я остановился у двери своих покоев. — В этом поможет твой отец. Я воспользуюсь его памятью. Добро пожаловать.

Мне нравилось просторное помещение. Почти пустое: кресло, кровать, стол, большой экран на стене и устройство, что князь называл планшетом.

— Садись.

Девушка послушно опустилась на край кровати.

Я подошёл ближе.

— Расслабься. Это будет быстро.

Она вскинула брови и округлила удивленно глаза.

— Секс с тобой меня точно не интересует, — произнес я, даже боясь представить, что за мысли пролетели в человеческой голове. — Будь послушной, — сказал, наслаждаясь тем, что наконец могу приказывать ей.

Я наклонился, коснулся её плеча, убрал волосы, вонзил клыки, и кровь рванула резким потоком.

— Ну нет! — не смог сдержать разочарование, отбросив девушку на подушки.

Пусто.

Снова.

Ни вспышки удовлетворения.

Ни сладкого насыщения.

Ничего, что я так ждал.

— Этого недостаточно, — произнёс я раздражённо.

Она сжалась.

— Вы... обещали...

— Я не собираюсь тебя убивать, — отрезал я. — Давай без истерик. Пока ты мне нужна.

Я вытер кровь с губ, уселся в кресло и потянулся к планшету.

— Можешь идти.

Глава 8. Деметра

Я почти перестала полноценно спать.

Ночи превращались в одно длинное испытание. Стоило закрыть глаза, как я оказывалась там, где не должна была быть.

В барах, переулках, гостиничных номерах, парках — да где угодно, но не в своей кровати.

И всегда он.

Мужчина, которого я никогда не встречала в реальности, но знала уже хорошо из своих ночных видений. Знала, как он движется, как мягко ступает, как поворачивает голову, чуть наклонив, как поднимет руку, чтобы позвать.

Его силуэт возникал в разных местах, но смысл оставался неизменным: рядом с ним всегда была девушка. Молодая. Привлекательная. И каждая следующая была еще звонче, еще ярче. Возникало ощущение, что он искал кого-то и не мог найти или просто сошел с ума от безнаказанности.

Информация о погибших женщинах изредка просачивалась в прессу. Кто-то умный и влиятельный подчищал следы. Я знала, что жертв намного больше, чем об этом говорили официальные источники. И я больше не верила в то, что мне снится простой сон. Все эти девушки были реальные и живые... До момента, пока он к ним не прикасался.

Я видела, как страх слишком поздно просыпался в жертве. Как губы мужчины едва касались её кожи — и всё вокруг погружалось в напряжённое молчание, которое бывает перед гибелью. И сон каждый раз обрывался в одно и то же мгновение, когда клыки впивались в шею. Я не видела сам момент смерти, но этого и не требовалось. Просыпалась так, словно сама была на месте девушки. С холодным липким потом на спине. С пересохшим горлом. С бешено колотящимся сердцем. И с давящим чувством, что сон будет продолжаться вечно. И он повторялся снова и снова. Каждую ночь я думала, что хуже уже быть не может. Но сны становились

подробнее. Реальнее. Точнее.

Я не знала его имени. Не видела лица достаточно ясно. Но была уверена в том, что встретить я мужчину случайно — узнала бы в первую секунду.

И сегодня сон пришёл не предупреждая. Я закрыла глаза, коснулась головой подушки — и сразу темнота.

Образ возник мгновенно. Я стояла на мосту. Под ногами ровное покрытие, слегка влажное, как после недавнего дождя. Над головой легкое жужжание фонарей. Ровная круглая луна зависла над мостом почти в центре неба. Её свет падал на металлические конструкции, подчёркивая каждую линию. Фонари отражались в реке длинными полосами света.

Я знала, что это не просто сон.

Это было видение.

Холод от реки прокатился по коже, хотя я не должна была его чувствовать. Я слышала, как дышу. Слышала, как громко стучит сердце.

На другом конце моста появилась девушка.

Казалось, она шла ко мне. Но это было не так, она спешила к тому, кто лишит ее жизни. С порывами ветра подол легкого сарафана развевался, оголяя стройные ноги. Острые каблуки звонко стучали по асфальту. Девушка шла без колебаний, словно она не управляла собой.

Я проследила за ее взглядом, обернулась и увидела мужчину.

Он стоял примерно в пяти метрах от меня. Достаточно высокий. В темной одежде. Неподвижный. Его силуэт казался слишком чётким и слишком реальным для сна.

Я попыталась крикнуть девушке, остановить ее, но слова застревали в горле.

Когда девушка почти поравнялась со мной, я отступила, пропуская ее.

Она сбавила шаг и шла на верную смерть медленно, повиливая бедрами.

Внутри все сжималось, волчица рычала, но и она не могла выбраться наружу.

Девушка остановилась, и мужчина слегка наклонил голову, рассматривая ее.

Тень сдвинулась, и луна высветила мужской профиль. Линию скулы. Чёткий контур губ. Светлые волосы. Его дыхания я не слышала, как и его сердцебиения. А вот сердце жертвы сходило с ума.

Он двинулся навстречу девушке.

Её плечи дрожали, пальцы сжимались в кулак, глаза расширились. Вот только жертва оставалась на месте.

Мужчина поднял руку, и я приготовилась к неизбежному. Каждый сон заканчивался одинаково.

Каждый.

Но в этот раз что-то пошло иначе. Мужчина вдруг остановился. словно услышал что-то или почувствовал чей-то взгляд. Он повернул голову и недовольно передернул плеча-

ми. Взмахнул рукой, рывком преодолел несколько метров и остановился, а девушка просто прошла мимо и растворилась в темноте.

Сон изменился!

Это не то, что было. Это будущее!

Мы на мосту остались вдвоем. Я и тот, кто преследовал меня изо дня в день. Он не двигался, и я не позволяла себе шелохнуться, затаив дыхание. На фоне глухой бой часов или колоколов, когда я насчитала одиннадцать, меня вновь вытолкнуло в реальность.

— Аргас, — произнесла я, перевернувшись на спину и закрыв лицо руками, — когда полнолуние? — спросила невнятно, вспоминая круглую луну над головой.

— Через два дня, — сообщил фамильяр.

— Через два дня, — повторила за ним и села, подтянув к себе ноги. — Я знаю, где он будет через два дня.

— Он? — уточнил Аргас, выходя из тени и материализуясь.

— Он, Аргас. Ты прекрасно понял, о ком я говорю.

Волк сел передо мной, дернул красивой серебристой шкурой.

— Мы скажем об этом Альфе?

Я отрицательно pokrутила головой.

— Мы скажем об этом отцу?

Я нахмурилась и замотала активнее головой. Если он узнает о снах и о моем желании познакомиться с кровосо-

сом, а в том, что это был вампир у меня сомнений не было, отец предпримет все, чтобы оградить от встречи.

— Возможно, ма?..

— Никому. Мы никому об этом не скажем, Аргас. И это приказ.

Глава 9. Деметра

Лес был прекрасен, я шла босиком по знакомой тропе, по теплой мягкой земле, покрытой сосновыми иголками, как ковром. Впереди открывалась поляна, заросшая дикими травами, — место силы. Здесь трава всегда была гуще, воздух плотнее, а тишина проникновенная.

Я ступила в центр, и кожа отозвалась лёгким покалыванием. Внутри всё ещё гудело от сна, от предчувствия неизбежного, от того, что оставалось всего два дня до встречи на мосту. Я не сомневалась, что мне нужно быть там в указанное время. Видения никогда не приходят просто так. Я закрыла глаза, сделала глубокий вдох, позволяя энергии леса пройти сквозь меня и заполнить самые потаенный уголки, стереть тревоги. Одиночеством я наслаждалась недолго, воздух дрогнул, и тёплый знакомый запах трав, печёных яблок и ведьмовской магии накрыл меня мягкой шалью.

— Ты всё бегаешь сюда на рассвете, — произнёс спокойный голос.

Я обернулась. Мама стояла у края поляны, слегка прикасаясь пальцами к ветке сосны, приветствуя её.

Невысокая, стройная, даже хрупкая, с заплетёнными в косу ночными цветами, она выглядела, словно появилась из древних сказаний.

— Утро сегодня доброе, — сказала я, стараясь придать

лицу безмятежности. — Почему бы не провести его здесь?

Мама медленно шла ко мне, ступая по траве почти беззвучно. Её глубокие глаза задержались на моём лице.

— Ты устала, — сказала она.

— Немного, — уклончиво ответила я.

Мама могла читать людей так же легко, как другие читают книги. Особенно меня — собственную дочь. Но я привыкла скрывать часть правды.

— Тебе опять что-то снилось? — спросила она обманчиво безразлично.

Я медленно опустилась на траву.

— Сны снятся всем, мам.

Она присела рядом, провела ладонью по земле, приобняла меня.

— Не хочешь — не говори.

— Не хочу, — призналась я.

Да и о чем я сейчас могу сказать? Что, скорее всего, знаю того, кого ищет вся стая? Нет. Вначале я должна понять, зачем боги хотят нас столкнуть.

Мама прищурилась, хмыкнула. После легкого “хм” отец признавался во всех смертных грехах. Даже в тех, что еще не совершал.

— Димка, — сказала она ласково, — я переживаю. Ты же моя малышка.

— Нет, мам. Теперь ты моя малышка, — рассмеялась я.

— Вот давай не будем. Мне и так нелегко жить среди ве-

ликанов. Пожалей мою шею и папины руки, — произнесла она весело, но я уловила смену настроения. — Стоя в замешательстве. Альфа злится, твой отец тоже не в лучшем настроении.

— Если что-то случилось, это точно не я, — попыталась отшутиться.

— В этот раз точно не ты, — поддержала мама, явно вспоминая мои первые попытки колдовства. Не всегда удачные и чаще всего публичные. — Дим, метка все еще на месте?

— Да. Ну да, — в какой-то момент я засомневалась и посмотрела на внутреннюю сторону плеча.

Мама выглянула из-за меня и удостоверилась сама, тронув метку большим пальцем.

— Это хорошо.

— Почему ты спросила? — поинтересовалась я, поежившись от неприятного предчувствия.

Метка Высшего демона служила для меня своего рода оберегом. В момент моего рождения ведьмовской ковен собирал занятную коллекцию из одаренных детей. Ведьм, ведьмаков и оборотней. Они хотели сломать природу — сделать так, чтобы оборотни рождались не только в истинных парах. Создать своеобразную армию, подчиняющуюся только им. И в момент моего рождения было принято решение — поставить метку Высшего демона, ведь я как никто подходила под их планы. Волчица с даром. За моей матерью не было могущественного ковена, и защитить ее от ведьм не мог да-

же мой отец.

Метка не подвела. Ни одна ведьма не решится перейти дорожку Высшему демону, прекрасно зная их жестокую и мстительную натуру. Попасть в лапы Высшего демона для ведьмы — вечная каторга. Рабство.

— Предчувствие, — произнесла она с легкой улыбкой.

— А если серьезно?

— Если серьезно, я пока не понимаю то, что вижу. Как и ты. Как и ты, — повторила она, целуя меня в щеку и бесшумно поднимаясь. — Надеюсь, когда придет время, ты обратишься ко мне за помощью. Наивное желание любого родителя. Я понимаю.

— Обращусь, — пообещала я.

— Я сделаю вид, что верю тебе.

Следующие два дня тянулись мучительно медленно. Вязкие, заторможенные, наполненные тревожным ожиданием, которое не давало ни дышать полной грудью днем, ни провалиться в сон ночью.

Каждый раз, стоило мне закрыть глаза, видение возвращалось с той же точностью, что и впервые: мост, влажный асфальт, мерцающие лужи, колышущиеся в реке блики фонарей, хищная тень, отделяющаяся от перил и зовущая к себе.

Сон не менялся. Повторялся, как заезженная пластинка. И именно повторяемость делала его невыносимым. Я снова и снова ощущала холодный воздух у реки, видела, как де-

вушка проходит мимо меня, слышала глухие удары — всегда одиннадцать.

Просыпалась резко, сжав простыни в руках до побелевших костяшек. Сердце колотилось в груди, и волчица внутри металась.

Чем ближе было полнолуние, тем сильнее я ощущала нервную дрожь.

Наконец на небе появилась круглая тяжелая луна.

— Пора, — прошелестел Аргас.

— Держись в тени, — попросила я фамильяра. — Не проявляйся без надобности.

Аргас был моим козырем в рукаве. Как и мои силы.

Я покидала территорию стаи, чувствуя невероятный азарт, что покалывал на кончиках пальцев и запускать крошечные электрические разряды вдоль позвоночника. Фары встречных машин мелькали перед глазами, но я почти не видела дороги. Следовала за тянущим ощущением в груди, что с каждой минутой пульсировало всё сильнее.

Я припарковалась в тихом переулке и направилась к мосту быстрым шагом.

Картинка реальности и сна совпадала в мельчайших деталях.

Вот фонари, гудящие низким, ровным звуком. Вот мерцающие под ними лужи.

А вот и река.

Я без труда нашла место, где во сне стояла и наблюдала. Под опорой в тени, чуть в стороне от пешеходной дорожки. Прижалась к холодному металлу, проклиная дрожь в пальцах. Взглянула на часы. До одиннадцати оставалось пять минут.

По мосту ходили люди: по одному, парами, компаниями подростки, которые громко смеялись и толкались. Машины проезжали, ослепляя фарами. Всё походило на обычную ночь. А напряжение под кожей только росло.

Волчица внутри притихла. Ждала, как и я.

И внезапно движение.

Я увидела его и невольно затаила дыхание.

На противоположной стороне, там, где тень от арки была плотнее, стоял мужчина. Мужчина из моих снов. Высокий, но не такой мощный, как оборотни. Вот только сомневаюсь, что волк мог справиться с ним. В тёмной одежде. С походкой, похожей на походку грациозного крупного хищника.

Он вышел из тени

Я видела его во сне десятки раз, но реальность...

Луна скользнула по его плечу, по линии подбородка, по стальным скулам и осветила мужчину отчётливо.

Вампир. И не просто вампир — Высший вампир.

Лицо резкое, будто вырубленное из мрамора. Губы слишком красивые для монстра. Но глаза... О боги, глаза.

Красные, как раскалённый металл. Светящиеся в темноте, будто под ними тлели угли.

Я осмотрелась, пытаюсь понять, видят ли окружающие его нутро или это доступно только мне.

Я знала, что должна бояться. Я знала, что должна бежать. И ненавидеть. Любая разумная сущность сделала бы это. Но вместо страха пришло другое чувство, словно внутри меня все встало на свои места.

Я отрицательно затрясла головой.

— Нет! Нет! — прошептала, и он обернулся.

Плавное, словно ожидал моего появления или же был настолько безразличен ко всему и всем, что просто не принимал меня или кого-либо еще за опасность. Его взгляд задержался на лице. И в тот же миг я почувствовала, как внутри что-то с силой натянулось. Невидимая нить, которую я упорно игнорировала последние недели.

Я осталась на месте, но тело отреагировало: мышцы напряглись, дыхание сбилось, а волчица внутри замерла. Не как замирает зверь перед прыжком и атакой, а чуть склонив голову — признавая поражение.

Это ужасно!

Отвратительно!

Я перевела дыхание, сдерживая крик, рвущийся из груди. Боги!

Аргас был прав. Это были не просто сны. Не видения, не случайные провалы в чужую память, не ведьмовские вспышки, которые иногда случаются, и сила капризничает и ведёт себя как хочет. Всё это время меня тянуло не к месту пре-

ступления, не к следам, не к загадке.

Меня тянуло к нему!

К тому, кто стоял на мосту под полной луной и смотрел, словно я не просто пустое место, а что-то отвратительное и противоестественное одновременно.

Я почувствовала это кожей, кровью, тем самым мерзким, сладким напряжением под ребрами, от которого хотелось либо выть, либо ударить первой. Связь не спрашивала — она существовала. Тянулась от меня, как цепь, которую невозможно разорвать голыми руками. Да ничем ее невозможно разорвать!

Нет!

Я судорожно сглотнула, стараясь не выдать растерянности. Высший вряд ли чувствовал сейчас то же самое. На сколько мне известно, вампиру нужно коснуться пары, а оборотням достаточно лишь запаха.

Мерзкого сладковатого запаха!

Он окинул меня презрительным взглядом и приподнял верхнюю губу, демонстрируя крупные клыки и намекая, что-бы я не приближалась и не вмешивалась.

Не дождешься. Я не позволю погибнуть еще одной невинной жертве.

Он прищурил глаза и зашипел.

Нет, милый, такие фокусы со мной не проходят. Если ты думаешь, что нарвался на простую волчицу, тебя ждет огромный сюрприз.

— Уйди! — приказал он.

Вместо ответа я повернулась на размеренный звук каблучков. А вот и еще одно действующее лицо.

— Я не буду повторять, волчица, — прошипел он. — Уйди!

Я подарила Высшему самую очаровательную улыбку, на которую была способна сейчас, и отвернулась, не выпуская его из поля зрения и сосредоточившись на блондинке.

Пустой взгляд, механические движения. Она шла на закланье, сама не осознавая этого.

Высший передернул плечами, взглянул на жертву, после повернул голову ко мне.

— Если думаешь, я испытаю неловкость при виде тебя, ты ошибаешься. Мне плевать на ваши договоренности.

Эгоистичный и жестокий говнюк! Это первое, что пришло в голову. Даже внешняя привлекательность не делала его лучше.

Я ненавидела сам факт, что моё тело смеет откликаться на него. Что волчица, упрямая и дикая, вместо ярости выбирает узнавание.

Пара.

Боги, значит, всё-таки решили пошутить. Решили поставить меня на колени так, как не смог бы ни один ведьмовской ковен, ни один охотник. Да никто.

Высший вампир...

Безддушный убийца. Существо, которое пьёт не ради вы-

живания — ради удовольствия.

И он — моя пара?!

Меня накрыла горячая злость. Поднялась от солнечного сплетения и ударила в виски, заставляя мир вокруг стать невыносимо ярким.

Я не буду жить рядом с чудовищем только потому, что кому-то там наверху так захотелось!

Прости, Селена, но этому не бывать. Я скорее умру, чем свяжу жизнь с ним!

Я шагнула вперёд, подходя к краю проезжей части.

— Уходи! — крик сорвался с губ, разрезая ночной воздух.

— Сейчас же уходи!

Девушка вздрогнула. В ее пустом взгляде мелькнуло сомнение, а за ним страх.

Каблук скользнул по влажному асфальту, шаг сбил.

Высший вскинул руку резким движением, словно хотел оборвать её колебание и вернуть под контроль. Воздух вокруг него потяжелел, уплотнился, давя на виски.

— Стой, — произнёс он негромко.

Если сейчас отступлю — все повторится.

— Не смотри на него, — крикнула я. — Посмотри на меня. Ты слышишь? Развернись. Иди назад.

Девушка проморгалась, плечи дёрнулись, пальцы судорожно сжались, дыхание стало рваным.

— Я... — она не договорила.

Высший зашипел.

— Я сказал — уйди, — повторил мне.

Я не обернулась.

— Беги, — сказала я девушке жёстко. — Сейчас!

Она отступила на шаг. Потом ещё на один. Резко развернулась и почти побежала, цепляясь за перила и помогая себе.

Блондинка растворилась в толпе, и я медленно повернулась к Высшему, чувствуя его испепеляющий взгляд.

— Ты только что совершила ошибку, волчица, — произнёс он тихо.

Я даже не успела вдохнуть, как пространство дрогнуло, смялось, и вампир оказался передо мной. Его лицо искажено яростью, глаза горели алым, клыки полностью обнажены. Запах крови, ночи и его собственный ударил в нос, оглушая и сбивая с мыслей.

Вы когда-нибудь желали того, кого люто ненавидели?..

— Ты, — прошипел он. — Ты посмела встать между мной и моей добычей.

Он крепко схватил меня за плечо. Я ответила инстинктивно: ударила коленом, вложив всю силу и отталкивая Высшего.

— Это был твой последний шанс, волчица, — произнес он мне в лицо. — Я убью тебя. Сегодня. Сейчас.

Я зарычала и ударила снова, ощущая, как под кожей рвётся наружу магия. Поверхность под ногами завибрировала, металл моста заскрежетал. Сила рвалась. Высший отлетел на несколько шагов, и это взбесило его окончательно.

Он рванул снова. Я едва успела выставить руку, ощущая, как мои пальцы скользят по холодной коже, оставляя отметины. Метка на плече вспыхнула болью, горячей и режущей, заставляя меня схватиться за предплечье и отвлечься на долю секунды.

— Что ты такое? — выдохнул он сквозь зубы.

— Твоя проблема, — процедила я и ударила его в грудь, вкладывая всю злость.

Мы покатались по асфальту, сцепившись и ломая все вокруг. Но, как бы я ни старалась, он был сильнее.

В какой-то момент он предугадал удар. Его рука сомкнулась у меня на затылке, пальцы вплелись в волосы, дёрнули назад, обнажая шею.

— Я предупреждал, — прохрипел он и впился в горло.

Острая боль пришла мгновенно. Я вскрикнула, но звук исказился и превратился в стон. Вместе с болью пришла вспышка жара, тянущая волна, от которой подогнулись колени.

— Нет... — прошептала я, цепляясь за мужские плечи, не зная, отталкивая или притягивая.

Мы потеряли равновесие, и перила моста остались позади. Воздух рванул в лёгкие, мир несколько раз перевернулся, ночное небо с луной исчезло, сменившись чёрной бездной.

Холод воды ударил по разгоряченному телу. Река сомкнулась над нами, заглушая звуки. Течение подхватило тела, закружило и потащило вниз.

Глава 10. Виктор

Я был в ярости.

Не холодная злость, к которой я привык за века, а слепая, рвущаяся изнутри ярость, когда разум в эмоциях. Волчица посмела вмешаться. Посмела встать между мной и добычей. Посмела испортить мне вечер!

Я чувствовал, как вода давит со всех сторон, как течение тянет вниз, но это было ничто по сравнению с тем, что кипело во мне. Река — мелочь.

Её кровь всё ещё была у меня во рту. Не вкус — взрыв. Она не должна была быть такой. Не должна была отзываться. И это выводило из себя.

Я держал её под водой. Рефлекс. Инстинкт. Пальцы всё ещё сжимали тело, которое сопротивлялось мне так же яростно, как и притягивало. Волчица билась, царапалась, но не паниковала. Она не захлёбывалась страхом, как люди. Она боролась.

Чёртова волчица!

Сначала я разозлился потому, что она сорвала охоту. А после потому, что она имела право это сделать.

Её запах и вкус резали сознание. Не сладкий, не покорный — острый, как тысячи острых кинжалов. Он не звал. Он бросал вызов.

Пузырьки воздуха вырывались из её губ, волосы расплы-

вались в воде тёмным ореолом. Луна сверху была уже недосягаемой, свет распался на мутные полосы. Здесь, внизу, мир становился честным — только сила имела значение.

Что-то пошло совсем не так. Привычный сценарий ломался у меня в голове. Волчица внесла хаос в мой мир. От этой мысли было смешно. Кто-то внес хаос в мою жизнь. Я и есть хаос. Но эта ничтожная девчонка привела системы к сбою, как любят сейчас говорить, опираясь все больше и больше на технологии.

Я схватил волчицу крепче и потянул вниз, глядя в синие глаза и безмолвно говоря, что смогу продержаться без кислорода куда больше, чем она.

Только внутри меня провернули ржавый механизм, который столетиями не должен был двигаться. По венам прошла тяжёлая волна, вязкая. Кровь не текла, а продиралась сквозь меня, со скрежетом, с болью, разлепляя сосуды и делая их живыми.

Кровь.

Моя кровь!

Я перестал двигаться, прислушиваясь к собственному телу, не отпуская волчицу.

Меня словно распирало и сжимало одновременно. Давление реки снаружи и давление изнутри. По артериям ползло тепло, непривычное тепло чужой жизни, что лилось по горлу, а моё собственное, давно забытое.

Нет.

Так не бывает.

Так не должно быть!

Я почувствовал первый удар сердца. Грубый и болезненный. Кто-то изнутри вбил кулак мне в грудь. Перед глазами на долю секунды вспыхнуло белым, и я стиснул зубы, едва не зарывав.

Боль.

Настоящая.

Сердце ударило снова. И снова. Сбиваясь, ошибаясь, вспоминало, как это делается. Каждый толчок отдавался в висках, в горле, в пальцах, которыми я всё ещё держал волчицу.

Я был жив. Не так, как люди. Но достаточно, чтобы это ощущение вывело меня из себя окончательно.

— Что... ты... — мысль оборвалась, захлебнулась вместе с пузырями воздуха, вырвавшимися у меня из горла.

Её кровь продолжала течь во мне, не растворяясь, не становясь топливом, а вплетаясь. Как яд. Как нечто, что выпускает корни и остаётся.

Я рванул вверх, выталкивая нас из глубины, потому что, если бы остался ещё хоть секунду внизу, я не знал, что сделаю. С ней. С собой.

Воздух ударил в лёгкие. Я вдохнул жадно, зло, будто мог этим вдохом вытолкнуть из себя всё лишнее. Сердце продолжало биться. Грубо. Предательски.

— Отпусти! — прохрипела волчица, стараясь попасть мне

по лицу острыми ногтями. — Я умею плавать. Да отпусти, придурок!

Мне было жизненно необходимо самому вытащить ее на берег, я не мог дать ей уйти.

— Попридержи язык, — прошипел, чувствуя под ногами дно.

— А то что? — спросила она, переводя дыхание и промаргиваясь.

— Не боишься, что я сверну тебе шею?

Она рассмеялась, закашлялась и, кажется, тоже нашла опору.

— Сделай одолжение.

— М-м-м, — протянул я, облизывая губы. Ее вкус все еще был на них. Это не просто кровь — это был яд и наркотик одновременно. Она впивалась в меня изнутри, как медленный, умный яд, который не убивает сразу, а перестраивает организм под себя. Ломает и переписывает.

И в то же время тянула. Как самый чистый, самый опасный наркотик, от которого невозможно оторваться, даже если понимаешь, что следующая секунда может стать последней. Хотелось ещё. Хотелось глубже. Хотелось снова сомкнуть клыки, проверить, усилится ли это безумие или, наоборот, схлынет.

Спойлер: я знал ответ.

Я с ненавистью посмотрел на неё. Каждый удар собственного сердца отзывался раздражением, словно кто-то чужой

поселился в моей груди и теперь имел наглость напоминать о себе.

— Ты отравляешь, — произнёс я хрипло, даже не заметив, что сказал это вслух.

Волчица прищурилась, опираясь ладонью о камни у берега.

— Можно я не буду говорить, что думаю о тебе, Высший. Почему, чёрт возьми, я не смог её убить? Это было бы логично. Избавиться от проблемы.

— Жалеешь, что вытащил меня? — спросила она со смехом, выжимая волосы и перекидывая их за спину.

Я смотрел на неё из темноты, чувствуя, как ярость медленно переплетается с чем-то новым.

— Я тебя не вытаскивал, — ответил я.

— Ну да, — она попыталась изобразить смех, но быстро стала серьезной и произнесла: — Я не желаю быть твоей парой. Я не желаю быть твоей парой, — повторяет она, выплевывая каждое слово так, словно они обжигают ей язык.

Меня посещает редкое, почти забытое ощущение замешательства. И не потому, что я не понял смысла фразы.

— Ты сейчас серьезно? — спрашиваю я.

Проклятое живое сердце делает тяжёлый, неровный удар. Я ненавижу его за это. Ненавижу за то, что оно реагирует. И ее ненавижу!

— Абсолютно, — отвечает она. — Если это чья-то шутка... богов, судьбы, мироздания — мне плевать. Я в этом не

участвую.

Она выпрямляется. Мокрая, растрёпанная, с царапинами на лице, но при этом стоит так, словно это она минуту назад утащила меня под воду и чуть не утопила. Словно это не я Высший вампир, переживший эпохи, войны и казни. Словно она сильнее.

— Ты не выбираешь, — говорю я, отмечая про себя, что и я не имею права выбора. — Это не договор. Не союз. Не сделка. Это факт.

— Тогда тем более нет, — отрезает она. — Я не вещь. И не награда. И уж точно не лекарство для твоей испорченной природы.

Резко. Точно. И в цель.

Я делаю шаг к ней, вода хлупает под ногами, но волчица не отступает. Смотрит на меня в упор.

— Ты понимаешь, с кем говоришь? — спрашиваю я.

— С убийцей, — спокойно отвечает она. — С тем, кто пьёт кровь ради удовольствия. С тем, кто называет это охотой. Хочешь, продолжу?

Меня веселит ее наглость и самоуверенность. Я не сдерживаю смех. Он рвется из меня пугающим хохотом.

— Ты думаешь, — говорю я медленно, — что, если откажешься, связь исчезнет?

— Я думаю, — отвечает она, — что лучше умереть, чем позволить этому, — указала на меня пальцем, — диктовать мне жизнь.

— Так вперед, — я мотнул головой в сторону реки. — В чем проблема. Освободись сама и освободи меня.

Она отрицательно крутит острым подбородком, не отводя пронзительного синего взгляда. Пронзительного и наполненного нескрываемой ненавистью. Осязаемой, едкой. А главное, я ощущаю мерзкое унижение. Слова волчицы меня задевают!

Я смотрю на нее долго и не нахожу ответа. Что делать дальше? Убить её? Отпустить?

— Я не доставлю тебе такого удовольствия, Высший. И не облегчу тебе жизнь, — она трясет мокрыми волосами, взъерошив их тонкими пальцами. И я осознаю, что меня злит в волчице сильнее всего. Отсутствие страха! Она меня не боится. Совершенно. Ей плевать на то, что я за долю секунды могу свернуть ее хрупкую шейку, что за пару минут выпью ее досуха.

— Ты совершаешь ошибку, волчица, — наконец говорю я.

Она криво усмехается и коротко и звонко смеется, будто мои слова не стоят даже тени сомнения. Ее беззаботный смех режет слух. Волчица качает головой, смотрит на меня так, словно я досадное недоразумение, и поворачивается ко мне спиной.

— Стой! — приказываю я.

Она делает шаг.

— Я сказал: не смей поворачиваться ко мне спиной, — шиплю я, чувствуя, как злость снова поднимается, кипит,

ищет выход.

Она идёт дальше.

Ещё шаг. Медленный. Демонстративный.

Угрозы не действуют.

Я срываюсь с места. Пространство складывается, смыкается, и в следующую секунду я уже перед ней, преграждая путь.

— Что ты собралась делать? — спрашиваю я зло.

Она останавливается. Поднимает взгляд.

— То, что должна, — отвечает спокойно. — Во что бы мне это ни встало, я избавлюсь от истинной связи. Найду способ. Любой. И освобожусь от тебя.

Каждое слово похоже на удар. В голове не укладывается, что простая волчица готова отказаться от истинной связи с Высшим вампиром. С представителем более сильной расы. Мы многие столетия владели миром, пока оборотни сбивались в кучки в лесах. Возделывали землю и разводили скот. Они даже не смели появляться в больших городах. Знали свое место. А сейчас!..

— Думаешь, мне доставляет радость эта мысль? — бросаю я в ответ. — Что боги решили посмеяться и поставить тебя рядом со мной. Сделать равной.

Она приподнимает бровь.

— Боги, какой же ты... — она закрывает прелестный ротик, выдыхая вместе с недосказанными словами злость. — Тогда слушай условия, Высший вампир. Мы не приближа-

емся друг к другу. Не вмешиваемся. Не лезем в жизнь друг друга. Ты живёшь своей, я — своей.

Я молчу, глядя на неё.

— И ещё, — добавляет она, делая шаг ближе. — Если убийства в городе продолжатся, если я узнаю, что ты снова охотишься на людей, я расскажу всем. Стае. Охотникам. Князю. Всем, кто захочет твоей головы. И... как тебя зовут? — спрашивает она.

— Что?

— Как твое имя, Высший? — плевком летит мне в лицо.

Глава 11. Деметра

Я задала вопрос и смогла удержать лицо. Это было сложно. Ни один мускул не дрогнул, плечи остались расправленными, взгляд — прямым. Я стояла перед Высшим вампиром, словно это не он только что держал меня под водой, не он пил мою кровь и не он стал причиной того, что мой мир покрылся жуткими трещинами, которые невозможно склеить.

А внутри была адская паника. Настоящая. Глубокая. От которой подгибались колени и хотелось выть в голос, не сдерживаться, не думать о том, что кто-то услышит. Только вряд ли бы это изменило положение. Волчица внутри металась, билась о рёбра. От желания и от ужаса.

Я не понимала, как жить дальше.

Всю жизнь, с первых осознанных мыслей о будущем я знала, каким будет мой мужчина. Он должен был быть похож на моего отца. Или на любого из мужчин моей семьи. Сильного, спокойного. Того, кто не давит, не держит. Кто защищает не потому, что может, а потому, что считает это правильным и нужным. Верного. Заботливого. Тёплого.

Не чудовище.

Не хищника, который смотрит на людей как на еду.

Не существо, для которого смерть — часть развлечения.

Не Высшего вампира!

Дарованный мне богами избранник был ровно противо-

положным всему, во что я верила. Всему, чему меня учили. Всему, что я считала нормальным и допустимым.

И боги...

О боги!

Я чувствовала, как злость поднимается по телу волнами, горячими, обжигающими. Не на него, Высшего, что оказался в ловушке вместе со мной. На судьбу. На богиню Селену. На саму идею, что кто-то там, наверху, решил: “Вот так будет справедливо”.

Только в чем справедливость?

Мне хотелось поднять голову к луне и закричать. Спросить, чем я заслужила именно его. Почему из всех возможных вариантов мне достался худший? Самый опасный. Неприемлемый.

Рано или поздно связь даст о себе знать сильнее. Когда-нибудь тяга станет нестерпимой. Рано или поздно кто-то из стаи поймет, догадается. Да что говорить о стае. Мама... она почувствует раньше остальных. Ведьму обмануть сложно. Даже другой ведьме. Но я постараюсь.

Мой истинный — монстр.

Самый страшный из тех, кто может ходить по этой земле. И мысль о том, что мне придётся признать и принять его, была невыносимой. Не потому, что я боялась осуждения. Я сама не могла смириться с подобным.

Говорят, пара — это дар!

Моя пара — сомнительный подарочек.

— Безразлично, как твое имя, — произнесла я, чувствуя невыносимую сухость по рту. — Чем меньше я знаю, тем лучше.

— Волчица, — прошипел он, испепеляя меня ненавидящим взглядом. — Тебе кажется, что это смешно?

— Нет. Ничего смешного в этой ситуации я не вижу.

Внутри всё горело огнем от ужаса, злости и ненависти ко всему миру.

— А мне кажется, ты насмехаешься, — цедит он, сверкая алыми глазами и демонстрируя клыки. Его взгляд то и дело опускается к моей шее, где бешено бьется пульс.

— Что, не можешь совладать со своей природой, кровосос? — произнесла я, понимая, что нарочно иду по тонкому льду.

Его красивые губы дернулись в оскале. Из груди вампира вырвался жуткий рык. Уверена, его таким боялись не только люди, но и другие Высшие вампиры.

А я — нет.

— Осторожнее, — произнёс он медленно, растягивая слова. — Ты слишком легко говоришь то, за что тебя могли бы убить.

— Ты уже пытался, — ответила я спокойно. — Не впечатлил.

Это была ложь. Меня трясло. Но он не должен был это знать.

Мерзкая, навязчивая связь пульсировала между нами.

Она тянула, шептала, требовала сблизиться, коснуться, признать. И каждую секунду я тратила силы, чтобы сдерживать её. Сколько я смогу существовать вот так, контролируя каждый вдох?

— Ты думаешь, — сказал Высший, — что можешь говорить со мной так без последствий?

— Я думаю, — ответила я, — что хуже быть не может.

Я отступила, разрывая эту давящую атмосферу. Я не бежала и не собиралась давать ему ни удовольствия от моего страха, ни повода сделать следующий шаг.

— Ты — проблема, — продолжила я, чувствуя, как голос становится твёрже. — Для меня. Для стаи. Для города. И если боги решили связать нас — это не значит, что я обязана подчиняться.

— Я полностью с тобой солидарен, волчица, — заявил он после долгого молчания.

— Отлично, — произнесла я, прерывая явно неприятную для меня речь. — Тогда прощай. Надеюсь, ближайшее десятилетие не подарит нам новых встреч.

— А ты выживешь, волчица? — спросил он с издевательским смехом.

— Не сомневайся, вампир. Последнее, что я буду делать, искать с тобой встречи, — произнесла я, и ноги сами понесли меня прочь. Я была похожа на оголенный нерв или туго сжатую пружину, которую было опасно трогать. Оно неловкое движение — и случится настоящий взрыв.

И как бы я ни хотела сдержаться, через несколько метров шага я перешла почти на бег. Сдерживали лишь удивленные люди, что оборачивались и провожали меня взглядами. Несмотря на теплую погоду, мокрая одежда неприятно липла к телу, с волос все еще скатывались капли воды и холодили поясницу.

В какой-то момент я поймала себя на том, что оглядываюсь или слежу за происходящим за спиной в отражении глянцевых витрин или остановок. Инстинкт самосохранения или глупость не позволяли мне остановиться. Я ходила по улицам кругами, пытаюсь сбросить вымышленную слежку.

«Стоп!» — произнесла я про себя и резко остановилась.

— Извините, — сказала я, когда по инерции на меня налетела девушка. — Мне нужно туда, — я прошла поперек потока людей и направилась в проулок.

Смысл прятаться? Его нет.

Я дошла до машины, руки продолжали дрожать, нажала на кнопку брелока, но садиться внутрь не стала. Остановилась рядом, уперлась ладонями в холодный камень здания и закрыла глаза. Меня трясло от переизбытка эмоций, от напряжения, от того, что я слишком долго держала лицо перед Высшим вампиром. Связь продолжала тянуть под кожей, но стала тише. словно я отдалялась не только физически, но и внутренне.

Или просто очень хотела в это верить...

Я обошла машину и открыла багажник, в нем лежал мой

«аварийный» набор. То, о чём не принято говорить вслух, но что есть у каждого оборотня, пережившего хотя бы один неконтролируемый оборот. Сменная одежда. Начиная от белья и заканчивая обувью. Потому что наша одежда не выдерживала трансформации. Она рвётся, трещит, превращается в лохмотья.

Я достала свёрток и на секунду замерла, прежде чем вынуть маленький, на вид совершенно безобидный кусок мыла. В его состав входит кайенский перец. Он выжигает запахи подчистую. Любые. Волчьи, ведьмовские, вампирские. После него не оставалось ничего: ни следа, ни намёка.

Я не поехала в квартиру, что была в черте города на экстренные случаи, когда не было возможности вернуться в стаю или... чаще всего такие квартиры оборотни использовали для личных встреч. Своего рода прикрытие для волка. Любые отношения с человеком заканчивались расставанием, поэтому мы не видели смысла знакомить временных партнеров с семьей. Особенно с такой, как у меня. Отец бы превратил знакомство в очную ставку. И это в лучшем случае.

Мысль, что в квартире могут случайно остаться следы вампира, вызвала почти физическое отвращение. Его запах на мебели, на стенах или в воздухе. Он впитается, смешается с моим, поселится в углах и будет ждать.

Я не была к этому готова и выбрала ближайшую безликую сетевую гостиницу, в которой не задают лишних вопросов и

не запоминают лица. Заплатила наличными, не глядя на администратора, поднялась в номер и закрыла за собой дверь на замок.

В ванной я скинула мокрую одежду прямо на плитку. Она липла к коже, словно не желала отпускатъ. Здесь она и останется, я не буду ее забирать. Я включила горячую воду на максимум и встала под поток, запрокинув голову.

Мыло казалось в руке тяжёлым, как камень. Первое прикосновение обожгло. Запах перца ударил в нос, в глаза, в горло. Я зашипела, стиснула зубы, но не остановилась. Терла кожу остервенело, до покраснения, до боли, до ощущения, что вместе с пеной с меня сходит не только грязь, но и чужое присутствие.

Шея. Плечи. Грудь. Руки.

Там, где он держал. Там, куда вонзил свои мерзкие клыки. Слёзы смешались с водой, и я даже не пыталась понять, от чего они. От боли или от отчаяния. Может, от всего сразу. Я мылась снова и снова, пока кожа не начала гореть.

Когда я наконец выключила воду, силы почти закончились, вытерлась, натянула чистую одежду и опустилась на край кровати, чувствуя, как дрожь медленно уходит, оставляя после себя пустоту.

Пустоту, которая быстро заполнялась испуганными мыслями. Ещё никто из бессмертных не слышал о том, что можно разорвать истинную связь. Это невозможно без вмешательства богов или смерти. Умирать ни я, ни Высший не же-

лали, именно боги сделали нас парой, а значит, оставалось не так много попыток освободиться от вампира. Чтобы не дать укрепиться нашей связи, я могла пить зелье, которое подавляет волчью сущность. Но это нельзя делать вечно. Лишаться звериной половины не входило в мои планы. Я тряхнула головой, стараясь сосредоточиться и упорядочить страхи.

Если никто не смог разорвать связь — это не означало, что вообще невозможно сделать нечто подобное. Мне просто нужна была информация. Наша библиотека была изучена мною вдоль и поперек. Ничего подобного я там не находила. И даже если бы я осмелилась обратиться к маме, она бы лишь пожала плечами. По человеческим меркам мама была безусловно старше меня, по меркам нелюдей мы могли считаться ровесниками. Двадцать пять лет разницы не играли роли в нашем мире. И я получила все знания, что получила и она. Источник информации должен быть в разы старше и хитрее. В случае демонов — лукавее.

— Эрик, — позвала я, вскинув голову к потолку. Подождала несколько минут, отбивая неровный ритм пяткой. — Эрик! — повторила громче, будто это могло повлиять. Можно сорвать голос, но, если Высший демон не желал тебя видеть, он не появлялся на зов. — Аргас, — произнесла я, отчаявшись.

— Я тут, — фамилльяр, как и всегда, появился сразу после призыва.

— Ты видел все?

Лунный волк прошелся по гостиничному номеру туда-сюда и сел напротив меня.

— Все, — подтвердил он.

— Отлично, значит, ты понимаешь, что я хочу сделать.

— К сожалению, — согласился он.

— Почему к сожалению?

— Потому что мне нравится быть твоим фамильяром.

— Намекаешь, что боги сотрут меня в порошок?

— Нет никаких сомнений. Играть с истинностью запрещено.

— А разве мои действия похожи на игру?

— Твои действия, хозяйка, — тут я закатила глаза, намекая, что его давление на меня не работает, — очень похожи на самоубийство.

— Ты преувеличиваешь. Тем более за слова и мысли не наказывают, а я еще ничего не сделала. Ну почему Эрик не приходит? — спросила саму себя и вновь позвала, но уже мысленно.

— Скорее всего, потому что он тебя не слышит, — ответил фамильяр.

— Этого не может быть. Если только метка... — я застыла, не закончив предложение. — Она исчезла, — произнесла я шепотом, глядя на внутреннюю часть руки. — Аргас, метка исчезла. Как я могла не заметить, когда мылась? Как?.. Проклятый упырь! — прошипела с ненавистью, ощущая новую волну паники.

Без метки Высшего демона я была беззащитна. Ее поставили, когда я еще была ребенком. И она являлась гарантом спокойной жизни. Ни одна ведьма не сунется ко мне.

— А теперь... — продолжила вслух и прикусила губу. — Я не смогу объяснить родным, почему больше нет метки.

— Да, это будет проблематично, если не раскрывать причину исчезновения.

Я метнула в сторону фамильяра злой взгляд.

— Значит, буду действовать быстро. Приведи мне его. Найди Эрика и попроси прийти сюда. Умоляй! Проси! Но приведи.

Глава 12. Деметра

Я металась по номеру, а потом рухнула на край кровати и сидела, сцепив пальцы, смотрела на дверь, хотя прекрасно знала: никакие замки и стены не будут преградой для Высшего демона. Который мог и не прийти, посчитав мою просьбу оскорбительной, а мои проблемы — не стоящими его внимания.

Эта мысль грызла сильнее всего.

Я тысячи и тысячи раз прокрутила в голове все возможные варианты событий, и без помощи демона мне невозможно было обойтись. Разговор с ним — призрачный шанс на то, что я смогу приблизиться к нужной мне информации.

Я рывком встала и прошлась по номеру. В груди было тесно, в голове — шумно. Связь с вампиром притихла, затаилась, выжидая момент, когда я ослабну, чтобы напомнить о себе. Подтолкнуть к кровососу.

Высшие вампиры созданы быть идеальными снаружи и поломанными внутри. За внешней красотой обычно скрывался эгоистичный, жестокий и самовлюбленный нарцисс. Да, были среди их расы исключения, настолько редкие, что мне бы хватило одного пальца на руке, чтобы посчитать.

— Только приди... — прошептала я, ни к кому не обращаясь.

Я остановилась у окна, наблюдала за суетливым миром че-

рез стекло. И в какой-то момент от затылка к шее побежали мурашки. Воздух дрогнул. Волчица внутри подняла голову, насторожилась, но не зарычала. Она узнала того, кто приближался.

Я медленно обернулась. Тень в углу комнаты сгустилась, и из нее ступил Аргас, склонив морду.

— Лорд Преисподней согласился прийти, — сообщил он и склонил морду к полу.

Свет лампы моргнул несколько раз, и в следующий миг в номере уже была не только я.

Эрик появился без каких-либо визуальных эффектов. Материализовался почти в центре номера и осматривался с ленивым интересом. Взгляд скользнул по смятой постели, по брошенной на полу ванной одежде, потянул воздух и улыбнулся.

— Мило, — произнёс он наконец. Я уже и забыла его низкий голос, похожий на рокот камней. — Гостиница. Значит, дело действительно срочное.

Я сглотнула. Все заготовленные слова вдруг рассыпались в пыль.

— Ты пришёл, — сказала я вместо приветствия и благодарности.

Он перевёл взгляд на меня, в котором полыхало пламя Преисподней.

— Твой фамильяр был очень убедителен.

— Лорд очень великодушен, — прошелестел Аргас и рас-

творился в воздухе.

Эрик сделал шаг ко мне.

— Ты выглядишь испуганно, Деметра. Что могло напугать тебя?

— Превратности судьбы, — произнесла я с горьким смешком и развернула руку, демонстрируя место, где раньше была метка.

— Ее нет, — удивленно заметил демон, беря меня за кисть и рассматривая руку под неоновым светом с улицы. — Почему?

— Потому что я встретила истинного, — произнесла я, тщательно выговаривая слова.

— Поздравляю, — сказал он с искренним непониманием моего похоронного настроения. — Ты пригласила меня похвалиться?

— Точно нет, — отмахнулась я и притянула руку к себе, растирая место, где касался Эрик.

Я была готова разрыдаться от чувства, которое вызвало короткий контакт с его кожей. Волчица тут же приняла стойку, зарычала, отгоняя мужчину. Чужого мужчину! И внутри все зудело. Требовало как можно сильнее отстраниться.

— Я хочу попасть в библиотеку Великого маркиза, — произнесла я, неосознанно сложив ладони в умоляющем жесте.

Демон секунду смотрел на меня пустым взглядом, а потом к нему пришло понимание того, что я собиралась сделать.

— Ты хочешь разорвать связь? — догадался он. — Разо-

рвать связь в Высшим вампиром? — спросил, махнув в сторону ванной.

Мне захотелось шикнуть на демона и накрыть его болтливый рот ладонью.

— Хочу. Не буду скрывать, — прошептала в ответ.

— Я бы не советовал этого делать. Но, думаю, ты и так понимаешь последствия своего желания.

— Я все понимаю. Есть в библиотеке что-то подходящее? Мне нужна секция, где хранятся древнейшие фолианты.

— Спрошу у матери, — сказал он легко, повернувшись ко мне спиной.

— Нет! — воскликнула я, останавливая его. — Пожалуйста. Не говори ей.

Эрик замер. Медленно обернулся.

— Ты понимаешь, о чем просишь? — произнёс он спокойно. — Она не просто ведьма. Она моя мать. И она имеет привычку смотреть в будущее. Думаю, будет трудно скрыть тот факт, что ты собираешься щелкнуть богов по носу.

Я сжала пальцы в кулаки, ногти впились в ладони.

— Именно поэтому, — ответила я. — Если она узнает, всё закончится, не начавшись. Она скажет моей матери. А моя мать скажет отцу. А отец... — я выдохнула и не стала заканчивать. Мы оба прекрасно понимали, чем это закончится. Катастрофой. Я не представляю масштаба его злости, когда он поймет, что остатки моих дней связаны с Высшим вампиром.

Эрик хмыкнул.

— Забавно, — сказал он. — Две ведьмы. Два поколения. И обе считают, что могут что-то скрыть друг от друга.

— Если моя мать узнает, она попытается меня остановить. А я хочу избавиться от... от него.

Эрик медленно прошёлся по номеру, оставляя за собой ощущение давления, словно воздух уплотнялся от каждого его шага. Он остановился у окна, посмотрел на город, затем на меня.

— Ты просишь солгать моей матери, — произнёс он.

— Я прошу тебя ничего не говорить, — поправила я. — Есть разница.

Он посмотрел на меня долго.

— Деметра, ты знаешь, что она сделала с отцом, когда поняла, что он не изменит своей природе демона?

— Да, — ответила я, не колеблясь. — Она отправила его в Чистилище.

— Верно заметила. Там он пробыл девять лет. Кстати, ему повезло. Мог бы скитаться целую вечность. А у меня нет желания оказаться на его месте. Честно признаться, в гневе я боюсь ее куда больше Великого Маркиза.

— Мила будет злиться на меня, — произнесла я с заискивающей улыбкой.

Глава 13. Виктор

Меня не просто выбило из колеи — меня раздавило! Плоть мира всегда была под моими пальцами. Я жил веками в своем ритме, и не было никого, способного заставить меня усомниться в собственных привычках. Да даже заточение в пепле Чистилища не ударило с такой силой по самолюбию, как появление волчицы.

Ее не должно было быть в моём мире. Ни в роли любовницы. Ни в роли знакомой. И уж тем более ни в роли истинной.

Меня тошнило от самой мысли, что где-то наверху кто-то посчитал нас сопоставимыми. Что кто-то решил: «Они идеальная пара». Что меня, Высшего, который выжил там, где вымирали династии и гасли империи, связали с хищницей из леса. С существом, которое в древности пряталось от ночи и училось жить тихо и незаметно, пока мы делали мир своим.

Я пытался рассуждать холодно. Привычно. Разложить на причины и следствия. Убрать эмоцию, как лишний шум.

Не получалось.

Меня бросало из стороны в сторону, словно лодчонку в шторм. Давно забытые эмоции били по нервным окончаниям, заставляя вести себя... словно я человек!

Слишком многое было неправильным.

Как она смотрела: прямо, дерзко, без почтения. В ней отсутствовал страх. А страх должен был быть у всех. Вместо

страха в волчице говорила злость. И эта злость была не человеческой истерикой, а звериной уверенностью, что она имеет право ненавидеть меня.

Неправильным было то, что моё тело вообще что-то чувствовало.

Я привык к себе — к безупречной неподвижности внутри. К тишине, где нет ни биения, ни жара, ни дрожи. К холодному превосходству. А теперь во мне всё ломалось, ломалось нагло, прямо на глазах, будто кто-то разрывал дорожную ткань, наслаждаясь звуком.

Волчица не просто неудобство. Она яд, разрушающий мою жизнь.

Я злился на богов так, как не злился ни на кого сотни лет. Даже на тех, кто держал меня в цепях, даже на тех, кто пытался сломать, унижить, заставить просить. Их злость была понятной: люди и нелюди всегда боятся сильного и всегда пытаются его контролировать. Но боги... у богов не должно быть этой мелочной мысли. Разве они не выше мести?

И всё же они воткнули в меня эту нить, натянули её до звона и заставили чувствовать то, что я давно выжег из себя вместе с остатками человеческого.

Я не мог поверить. Если я и допускал мысль о паре где-то очень глубоко, как о теоретической возможности, то в моих представлениях это была Высшая. Вампириша, способная выдержать меня. Возможно, демоница, если уж судьба решила быть дерзкой. Существо, чья природа хотя бы близка моей:

холодная, расчётливая и кровавая.

Но волчица?

Волчица — это запах хвои и земли. Это горячая кровь, которая не умеет скрывать собственные эмоции. Это упрямство, которое живёт в мышцах. Это чужая мораль, чужие законы и чуждая всем нам верность. Это тот мир, который я всегда презирал именно за дурацкую привязанность, за его смешную убеждённость, что искренность — это сила.

Но при этом волчица была чертовски хороша собой. Я мог признать это, даже когда раздражение скрипело на зубах.

Высокая. Сильная. Не хрупкая, не человеческая добыча. Собранная, словно пружина. Лицо не кукольное, не приторное, не созданное для того, чтобы нравиться всем. Лицо, которое запоминается. Глаза яркие и слишком честные. А ещё непоколебимая уверенность в собственной правоте. О боги! Она была эталоном оборотня.

Я мог бы с ней развлечься.

Возможно.

Я мог бы уничтожить её гордость, заставить признать, что её можно сломать и собрать заново. Я мог бы довести её до того, чтобы она сама пришла, сама перестала брыкаться, сама попросила...

Мог бы.

Но сплести с ней судьбу?

Нет.

Я существовал один. Так было правильно. Так было без-

опасно. Так было естественно.

И мерзкое заключалось в том, что теперь моя природа спорила сама с собой.

Тысячелетнее темное и гордое нутро рвало эту нить зубами. Шипело, плевалось, требовало вырвать и уничтожить. Стереть всё, что связывает, стереть ее с лица земли.

А другая часть, новая и раздражающая, чужая, не приняла, но зафиксировала существование волчицы. Она уже в крови. Уже в костях. Уже под кожей.

Я не был готов к тому, что какая-то волчица станет точкой, вокруг которой начнёт деформироваться мой мир. И ещё меньше я был готов к мысли, что разрушить этот мир теперь, возможно, будет куда проще, чем разрушить причину моей злости.

Глава 14. Виктор

Я вернулся в улей. Волчица убила желание охотиться. Одним своим появлением испортила ночь! Я втянул плотный, пропитанным старыми ароматами крови и воска воздух, чтобы перебить въедливый запах хвои и влажной земли. В улье всегда статика и тишина — и именно в них я хотел сбить послевкусию после встречи с истинной парой. С сердцем. Боги! Было смешно лишь от осознания, что я думаю об обратном.

Я поднимался по лестнице медленно, анализируя отголоски чувств, что остались внутри. Как после удара, которого ты не ожидал и не успел поставить блок. Как после вспышки света в темноте.

Проклятая волчица.

Её лицо мелькало перед глазами, как заноза в сознании. Не давая утихнуть, не позволяя принять случившееся и хорошенько все обдумать. И самое мерзкое, я больше не чувствовал того, что почувствовал рядом с ней. Сердце, которое в воде билось, как чужой кулак изнутри, теперь молчало.

Как и должно!

Тишина в груди не принесла облегчения.

Она разочаровала. Разозлила. Оставила ощущение, словно меня обманули: показали слабость, заставили ощутить невозможное и тут же забрали, как игрушку у ребёнка. Я ненавидел эту паузу. Ненавидел откат. Ненавидел, что моя

ярость рядом с волчицей была по-настоящему огненной, а здесь я снова становился тем, кем должен быть.

Пустым.

Я прошёл приёмную залу. Вдоль стен тянулась вереница ожидающих аудиенции, надеющихся на милость, боящихся гнева, пытающихся угадать настроение Тёмного князя по тому, как горит огонь в подсвечниках. Кто-то шептал, кто-то сдвигался в сторону, уступая мне дорогу. Кто-то осмеливался поднять взгляд и тут же опускал.

Я смотрел сквозь них и видел только мост, луну и то, как её злые синие глаза смотрели на меня так, словно я не бог и не монстр, а всего лишь грязь под её ногтями.

У массивных дверей кабинета Александра я даже не остановился, дернул створку на себя.

Кабинет был освещён теплым золотом ламп, тени по углам, бархат, камень, металл и гобелены на стенах. Вся обстановка хорошо продумана владельцем, чтобы любой, кто войдёт, понял, что он здесь меньше, чем пыль.

Александр лежал на тахте, словно весь мир был создан исключительно для его удобства. Крутил в руках хрустальный бокал, прикрыв глаза.

Он был не один.

У него были просители. Молодняк. Обращенные. Живой взгляд, жадные до одобрения. Они говорили тихо, ловили каждое слово Темного князя, как подачку. И замолчали, едва я вошёл.

Я остановился у порога и посмотрел на Александра опустошённым взглядом.

Один из обращённых едва заметно вздрогнул и поспешил к выходу. Мгновение — и их не было. Что не могло не радовать. Хотя бы строгую иерархию вампиры не растеряли за столетия моего отсутствия.

Дверь за ними закрылась, оставив в кабинете нас с Александром... и ещё Малиса.

Правая рука Александра тенью стоял у стены. С моим появлением его лицо перекосило от возмущения, и он сделал шаг вперед, явно собираясь напомнить мне о правилах.

Малис открыл рот, но Александр лишь поднял руку, даже не повернул головы. И Малис покорно склонился.

Александр медленно перевёл взгляд на меня.

— Я слушаю тебя, — выдохнул он. — Ропщи.

Я ответил не сразу, прислушался. Подмечать детали — это рефлекс хищника. Ты вдруг замечаешь в другом существе то, чего не должно быть. В груди Александра билось сердце. Ровно и уверенно. Не сбиваясь, не стопорясь, как у меня в той реке.

Живое и чуждое нашему виду.

Темный князь встретил истинную. Ничтожную человечку, воспитанную волками. Такой выбор — настоящая насмешка от богов.

Я знал это. Все знали. Тёмный князь не скрывал своей княгини, не прятал её, не стыдился зависимости. Он бого-

творил её. Возводил в абсолют. Позволял ей то, за что других стирал в пыль.

И это злило.

Свобода — вот что он потерял. Свободу быть холодным и расчётливым. Свободу не чувствовать. Свободу не бояться за кого-то, кроме себя. И он добровольно обменял её на привязанность.

Я смотрел на него и пытался понять: зачем?

За иллюзию, что ты больше не один?

Глупость.

Я не осмелился задать настоящий вопрос. Вместо этого я спросил другое:

— Почему нас больше не боятся?

Александр медленно приподнялся на локте. Бокал в его руке качнулся, поймал свет лампы, бросив отблеск на мою влажную обувь. Князь посмотрел на меня внимательно и вдруг расплылся в довольной издевательской улыбке.

— М-м-м, — протянул он. — Как я вижу, ты встретил на своем пути волчицу.

Я скривился.

— Непокорную волчицу, — продолжил он, явно наслаждаясь моментом. — И, судя по твоему виду, она захотела тебя охладить?

Он растянул губы шире.

— Ты пахнешь рекой, Виктор. И раздражением. Опасное сочетание. Обратней мы не трогаем ни при каких обстоя-

тельстввах, — добавил он ледяным тоном. — Это даже не обсуждается. Я не желаю открывать на тебя охоту. Все же ты мой брат.

— Я не тронул ее, — отмахнулся я. — Она не боится, — произнёс я медленно.

Александр тихо рассмеялся и наконец поставил бокал.

— Неожиданно, верно? — спросил он. — Девочка вращена в любви. Ее баловали всей стаей. Страх в ней меньше, чем в тебе.

— Зачем ты мне это рассказываешь?! — выплюнул вопрос раздраженно.

— Подумал, тебе интересно.

— Меня не волнует ее существование!

— Ну, я так и понял.

Александр усмехнулся, повел плечами, как хищник перед прыжком, который знает исход охоты и просто тянет время ради удовольствия. Одним плавным движением поднялся с тахты. Я снова сконцентрировался на биении его сердца. Меня оно раздражало сильнее, чем я был готов признать. Тук. Тук. Тук.

Мне не нравятся эти глухие звуки!

— Передай оборотням, чтобы они не становились на моем пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.